

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДОВЫХ ПОЛКОВ НОВГОРОДА И ПСКОВА В XIV – 1-Й ПОЛ. XV В.

Аннотация: Данная статья посвящена вопросам организации городских полков Новгорода и Пскова в XIV – 1-й пол. XV в. В качестве основного источника используются материалы новгородского и псковского летописания. В работе опровергается тезис П. В. Лукина о тождественности веча и городского полка. Городовые полки рассматриваются как воинские корпорации, организованные по профессиональному признаку. В данной работе подробно исследуется социальная структура городских полков. Каждая категория населения Новгорода и Пскова, представители которой упоминаются в составе городского полка, рассматривается отдельно. Затем анализируются летописные сообщения о походах с участием городских полков. С помощью приемов контекстуального анализа показано, что воины городских полков передвигались и участвовали в сражениях преимущественно в конном строю, однако в исключительных случаях они также могли сражаться пешими и использовать речные суда. Особое внимание уделяется проблеме численности городских полков Новгорода и Пскова. Несмотря на ограниченность летописных данных, в работе вычисляется мобилизационная способность Новгорода и Пскова с волостью и пригородами, а также дается оценка реальной численности сил этих городов. В заключение приводится полная и не противоречащая источникам реконструкция устройства городских полков Новгорода и Пскова, которая значительно отличается от модели, предложенной А. В. Быковым. Сделанные в данной работе выводы об организации городских полков Новгорода и Пскова могут быть использованы в дальнейших исследованиях по военной истории Северо-Запада Руси в указанный период.

Ключевые слова: военная история, военное дело, Новгород, Псков, городские полки, социальный состав, вече, ополчение, конная рать, пешая рать, судовая рать, численность войск, XIV век, XV век.

«... а вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити.»¹

Городские воинские корпорации Новгорода и Пскова, называемые в историографии «городовыми полками», привлекают внимание исследователей не так часто, как другие социально-политические институты этих городов, хотя значение городских полков для истории этих земель крайне велико – именно эти полки были основной военной силой Новгорода и Пскова, обеспечивая их безопасность и контроль над подвластными территориями. Вместе с тем война как явление лежала в основе формирования социальной структуры средневекового общества. Как писал М. Блок, «...отличительной чертой феодальных обществ было почти полное совмещение сословия господ-сеньоров с сословием профессиональных воинов, тяжело вооруженных рыцарей.»² Переносить реалии обществ Западной Европы на Новгород и Псков, не опираясь на данные источников, было бы в корне неверно, однако мы можем предполагать наличие некоторых общих черт в развитии военного дела и организации

¹Летописное обращение воеводы князя Святополка (Окаянного) Волчьего Хвоста к новгородцам из войска князя Ярослава (Мудрого) перед битвой под Любечем (1016 г.). Именно с этой фразы начинается текст Синодального списка Новгородской первой летописи старшего извода: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.-Л., 1950. С. 15.

²Блок М. Феодальное общество. Пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М., 2003. С. 432.

войска на этих территориях. Вопросы, касающиеся устройства городских полков Новгорода и Пскова, лежат одновременно в области социальной и военной истории, и на многие из них в историографии пока не было дано определенных и убедительных ответов. Наименее изученным остается вопрос о социальном составе городских полков. В целом П. Л. Лукиным был выдвинут тезис о тождественности новгородского веча и новгородского ополчения (городового полка)³, однако данное утверждение представляется слишком общим и достаточно спорным. В настоящей работе будет определен круг тех социальных слоев, которые упоминаются в летописных сообщениях в составе городских полков. Рассмотрев в первую очередь социальные аспекты организации городских полков Новгорода и Пскова, мы сможем перейти к вопросам, связанным непосредственно с военным делом. Исходя из анализа летописных известий, будут сделаны выводы о родах войск, применявшихся на полях сражений. Затем будет дана оценка численности городских полков Новгорода и Пскова с волостью и пригородами. Комплексное изучение этих проблем позволит нам произвести полную и непротиворечивую реконструкцию устройства городских полков Новгорода и Пскова, которая впоследствии может быть использована в работах по военной истории данного региона.

Социальная структура городских полков

Бояре и посадники. Боярство заслуживает рассмотрения в первую очередь, т. к. данная категория населения находилась на вершине социальной иерархии в Новгороде и играла ключевую роль в политической жизни города. Новгородские бояре представляли собой сословие земельной аристократии, основой могущества которой было крупное

землевание⁴. По мнению В. Л. Янина, на протяжении XIV в. положение новгородского боярства значительно усилилось: боярская аристократия узурпировала те республиканские органы, которые изначально не были боярскими по происхождению (например, тысяцкое и торговый суд), чтобы сконцентрировать власть в своих руках, вследствие чего Новгород превратился в боярскую олигархическую республику⁵. Однако в работах современных исследователей концепция В. Л. Янина признается спорной и подвергается критике. Так, в частности, вывод В. Л. Янина о переходе должности тысяцкого к представителям боярства во 2-й четверти XIV в. был опровергнут М. А. Несиным, который доказал, что новгородские тысяцкие и ранее избирались из боярской среды⁶. В работе П. В. Лукина несостоятельность концепции В. Л. Янина была продемонстрирована наиболее полно: согласно П. В. Лукину, определение Новгородской республики как «боярской» необоснованно, т. к. власть в ней не принадлежала исключительно боярству – доступ к ней через вече имели и другие свободные горожане, входившие в «политический народ» Новгорода⁷. М. А. Несин в своей рецензии на монографию П. В. Лукина, напротив, настаивает на том, что Новгород может считаться аристократической, или боярской, республикой⁸. По мнению М. А. Несина, данное определение не обязательно подразумевает под собой безраздельное господство боярства, хотя в Новгороде бояре действительно имели большое влияние, вследствие чего они могут быть отнесены к правящему сословию⁹. Тем не менее П. В. Лукин также не отрицает, что бояре занимали привилегированное положение относительно

⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 420-421.

⁵ Там же. С. 420-421, 428-429, 433-434, 493.

⁶ Несин М. А. Новгородские тысяцкие в XIV веке // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия «История и филология». Вып. 3. 2014. С. 148.

⁷ Лукин П. В. Новгородское вече. С. 518.

⁸ Несин М. А. Первая монография о новгородском вече. [Рец. на:] Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014. // Valla. № 2 (3). 2016. С. 105.

⁹ Там же. С. 106.

³ Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014. С. 492-493, 500, 502. К такому же выводу приходит и А. В. Быков: Быков А. В. Структура и численность новгородского войска в XIII–XV веках // Novogardia. № 1. 2020. С. 48.

других социальных групп и именно они были тем слоем, который фактически управлял Новгородом¹⁰. Основной привилегией бояр несомненно являлось исключительное право выдвигать из своей среды главных городских магистратов – посадников и тысяцких. Таким образом, в Новгороде боярство находилось во главе политического коллектива, который в случае военных действий выставлял городской полк, и мы можем вполне обоснованно полагать, что в нем бояре также занимали видное положение.

В отличие от Новгорода, в Пскове боярство как социальная категория сформировалось достаточно поздно – как считает А. А. Вовин, оно сформировалось не ранее середины XV в.¹¹. Это может быть связано с более медленным, по сравнению с Новгородом, процессом социальной дифференциации населения Пскова: в XIV в. псковичи еще были относительно однородны, и только во 2-й пол. XV в. в Пскове образовалась своя элита¹². По предположению А. А. Вовина, боярином мог считаться любой житель Пскова, выделявшийся в социальном или экономическом отношении¹³, т. е. псковское боярство не представляло собой замкнутую прослойку знати, как это было в Новгороде. Рассматривать псковское боярство в качестве земельной аристократии также нельзя, поскольку в Пскове из-за крайней ограниченности земельных ресурсов так и не появилось крупное землевладение¹⁴. Кроме того, как считает А. А. Вовин, псковское посадничество не могло быть порождением боярской среды, т. к. этот институт появился раньше самого боярства – в начале XIV в.¹⁵. Посадничество в Пскове, по мнению А. А. Вовина, сформировалось в отдельную социальную группу – городской патрициат, закрепив за собой исключительное право на занятие высшей городской магистратуры¹⁶. Вместе с тем в Пскове также существовала

промежуточная ступень перед должностью посадника – «сын посаднич», которая появляется в процессе складывания патрициата в 40-е гг. XV в.¹⁷. Таким образом, мы видим, что псковские реалии в XIV – 1-й пол. XV в. заметно отличались от новгородских: социальная структура Пскова была более однородна, и хотя в имущественном плане бояре выделялись на фоне остальных горожан, между ними не было такого разрыва, как в Новгороде. Псковское боярство не обладало значительными земельными владениями, поэтому земельной аристократией оно считаться не может. В отличие от Новгорода, где главные городские магистраты происходили из боярской среды, псковские бояре не относились к городскому патрициату (посадничеству) и не имели права занимать должность посадника. Тем не менее псковские бояре, как и новгородские, были обязаны нести военную службу и входили в состав городского полка.

Несмотря на различное положение бояр в социально-политической структуре Новгорода и Пскова, их роль в городских полках была схожа. У нас есть все основания полагать, что боярство представляло собой сословие профессиональных воинов¹⁸, которые были обязаны службой городу и входили в городскую воинскую корпорацию – городской полк. В данном случае город выступал в качестве коллективного феодала, на стороне которого боярство должно было нести военную службу. Боярские контингенты являлись основой городских полков Новгорода и Пскова, что однозначно подтверждается письменными источниками. Упоминания бояр встречаются практически во всех летописных сообщениях о походах новгородского и псковского войска, а при

¹⁷ Там же. С. 184, 187.

¹⁸ А. В. Быков, напротив, считает бояр «полупрофессиональными» воинами: *Быков А. В. Структура и численность...* С. 35, 67. Однако исследователь не указывает, на основании каких данных он приходит к такому выводу. Не ясно, почему А. В. Быков противопоставляет бояр княжеским и новгородским дворянам, которых он считает «профессиональными» воинами. Тот факт, что бояре не несли военную службу постоянно, совершенно не означает, что их воинские навыки были хуже, чем у дворян.

¹⁰ Лукин П. В. Новгородское вече. С. 344, 517.

¹¹ Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. СПб., 2019. С. 193.

¹² Там же. С. 155.

¹³ Там же. С. 193.

¹⁴ Там же. С. 112, 159, 191.

¹⁵ Там же. С. 165, 191, 193.

¹⁶ Там же. С. 181.

перечислении потерь погибшие бояре указываются поименно¹⁹. Как наиболее состоятельные горожане, бояре имели достаточно средств на покупку дорогостоящего вооружения, качественных доспехов и боевых коней. Помимо своих собственных представителей, боярство выставляло и других конных воинов: мобилизация в городской полк происходила в соответствии с нормой – «*фазрубом*», которая определяла число всадников, выставляемых в городской полк землевладельцами. Эти всадники составляли свиту боярина во время похода. В летописных текстах такие контингенты, возглавляемые боярами, именуется «*дружиной*»²⁰. В боярские контингенты могли входить родственники бояр и их сыновья, а также «*дети боярские*»²¹ и «*вои*»²² – профессиональные воины, находившиеся на службе у бояр (подробнее об этом см. ниже). Вероятно, боярство привлекало к участию в походах и «*молодых людей*»²³, которые жили при дворах бояр и были связаны с ними клиентскими отношениями (подробнее о «молодых людях» см. ниже). «Детей боярских», «воев» и «молодых людей» можно объединить термином «послужильцы». Представители этих трех групп являлись свободными горожанами. Вместе с тем боярские послужильцы могли быть и зависимыми людьми: в новгородском летописании встречается упоминание «*холопов збоев*» (букв. боевых холопов) в свите боярина Луки

Варфоломеева в 1342 г.²⁴. Число боярских послужильцев зависело от размеров земельных владений каждого боярина. Как уже было отмечено выше, бояре были обязаны выставлять в городской полк всадников, которых бояре обеспечивали боевыми конями и вооружением за свой счет²⁵. Свиты посадников и тысяцких, скорее всего, были более многочисленны. Во время походов посадников сопровождали «детские». Об этом свидетельствует сообщение НЛ о походе на Заволочье в 1398 г.: «...*только с городка одного человека убиша дичького Левушку Федорова посадника...*»²⁶. А. В. Быков предположил, что в свиты посадников и тысяцких также входили представители различных категорий новгородских дворян – «подвойские», «биричи» и «изветники», которые в мирное время выполняли работу судебных исполнителей²⁷. Новгородские и псковские посадники, являясь главными городскими магистратами, возглавляли городские полки Новгорода и Пскова. В обязанности тысяцкого, должность которого существовала в Новгороде, но отсутствовала в Пскове, командование городским полком не входило. Согласно выводам М. А. Несина, в отличие от тысяцких в других городах, где они возглавляли городские полки, новгородские тысяцкие выполняли в основном судебные функции (эти магистраты отвечали за торговый суд) и во время войны могли быть воеводами отдельных отрядов, но не всего городского полка²⁸. В рецензии на диссертацию М. А. Несина А. В. Быков предпринял попытку опровергнуть данные выводы²⁹, однако аргументы исследователя

¹⁹ См., например: НЛ. С. 94-95, 336, 372; ПСРЛ. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002. С. 134; ПСРЛ. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889. Стб. 195; Псковские летописи (далее – ПЛ). Вып. I. М.-Л., 1941. С. 11, 31; ПЛ. Вып. II. М., 1955. С. 26, 28, 34.

²⁰ См., например: НЛ. С. 360, 362; ПЛ. Вып. I. С. 18, 47; ПЛ. Вып. II. С. 24, 47.

²¹ См., например: НЛ. С. 391, 392.

²² См., например: НЛ. С. 391, 392.

²³ «Черные люди» (о разнице между ними и «молодыми людьми» см. ниже) в последний раз упоминаются в городском полку Новгорода в 1315 г.: ПСРЛ. Т. 42. С. 123. Если не учитывать походы новгородских «молодцев»-ушкуйников и псковских «судовых ратей», в рассматриваемый период «молодые люди» в составе городского полка упоминаются только один раз – в битве под Руссой (1456 г.): ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 194, 195.

²⁴ См.: НЛ. С. 355.

²⁵ Об этом говорится, например, в тексте новгородской берестяной грамоты № 383. Из текстов берестяных грамот № 750 и № 138 также известно о том, что некоторые новгородцы покупали доспехи в кредит или брали их в долг у более состоятельных горожан (возможно, у бояр). См.: *Зализняк А. А. Древненовгородский диалект*. М., 2004. С. 530-531, 533, 632-633.

²⁶ НЛ. С. 393.

²⁷ *Быков А. В. Структура и численность...* С. 31.

²⁸ *Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII-XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. С. 123, 139-141, 148-149, 150, 151.*

²⁹ *Быков А. В. К вопросу о полномочиях новгородских тысяцких. [Рец. на:] Несин М. А.*

трудно назвать убедительными. Согласно А. В. Быкову, в Новгороде тысяцкий исполнял те же обязанности, что и в других городах – прежде всего, он руководил городским ополчением³⁰. А. В. Быков ссылается на наименование тысяцких в ганзейских документах («*hertodh*»), которое в переводе означает «военный вождь»³¹, хотя очевидно, что ожидать полного соответствия между древнерусским словом и значением, которое вкладывалось в него, и переводом этого слова на немецкий вряд ли стоит. Основной аргумент А. В. Быкова заключается в следующем: участие тысяцкого в походах во главе всего новгородского ополчения было совершенно обычным для летописца явлением, поэтому тысяцкие упоминаются в новгородском летописании крайне редко – лишь в тех случаях, когда они выступали в нетипичной для себя роли, возглавляя отдельные отряды³². В дискуссии А. В. Быков прибегает к аргументу *ex silentio* – это не может быть полноценным доказательством того, что именно тысяцкие, а не посадники руководили всем ополчением (городовым полком) Новгорода. Вероятно, тысяцкие выставляли в городской полк более крупные контингенты, чем «рядовые» бояре, которые не занимали никаких магистратур, в остальном же их роль в новгородском войске вряд ли отличалась от роли бояр. В отдельных случаях, когда в походах участвовала часть городского полка (например, если это была рать «охочих людей»), бояре также могли выступать в качестве воевод этих отрядов³³.

Таким образом, не будет преувеличением утверждать, что бояре являлись основой городских полков Новгорода и Пскова. Данная социальная категория представляла собой военно-политическую элиту, которая находилась во главе политических коллективов своих городов. Командование городским полком

осуществляли посадники: в мирное время они возглавляли «политический народ» на правах главных городских магистратов, и они же руководили городской воинской корпорацией. Бояре были высшей прослойкой профессиональных воинов, которые были обязаны нести военную службу и выступали в походы в составе городской воинской корпорации – городского полка. Традиции военного дела передавались из поколения в поколения внутри боярских семей, что способствовало воспроизводству военной элиты. В городской полк бояре выставляли контингенты всадников, количество которых зависело от размеров боярских землевладений. В контингенты бояр, помимо представителей боярских семей, входили различные категории профессиональных воинов: «дети боярские» (служилые люди бояр) и «вои» (свободные воины на службе у бояр). «Молодые люди» (клиенты бояр), которые вряд ли могут считаться профессиональными воинами, также могли привлекаться к службе в составе боярских контингентов. В XIV в. в летописании отмечается появление «холопов збоев» (вооруженные слуги) в составе боярских отрядов. Эти категории можно объединить понятием «послужильцы». Послужильцев обеспечивали оружием и боевыми конями бояре. Как мы видим, наличие зависимых людей среди боярских послужильцев противоречит тезису П. В. Лукина о тождественности веча и городского полка: боярские холопы не могли входить в «политический народ», т. к. они не были свободными горожанами и не имели права участвовать в вече. На поле боя тяжеловооруженная боярская конница принимала на себя главный удар и несла потери, что отражается в летописных известиях. Бояре хотя и являлись основой городских полков, считать в них боярский компонент единственным не следует. Помимо собственно бояр, в составе городских полков Новгорода и Пскова были и представители других социальных категорий, которые будут рассмотрены далее.

Дети боярские. Упоминания этой социальной группы, хорошо известной исследователям военного дела XVI в., встречаются в новгородских летописных

Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. // *Novogardia*. № 2. 2019. С. 312–317.

³⁰ Там же. С. 313–315.

³¹ Там же. С. 313.

³² Там же. С. 314.

³³ См., например: НЛ. С. 360, 392; ПСРЛ. Т. 42. С. 161, 165; ПЛ. Вып. II. С. 93–95, 104.

известиях начиная со 2-й пол. XIV в. Первое из них относится к 1364 г. и находится в составе Новгородской Карамзинской летописи 2-й подборки (далее – НК2): «Того же лета приеха съ Югры новгородци, дети боярские и люди молодые, воевавшие по Оби реки и до моря.³⁴» В тексте сообщения в составе Летописи Авраамки (далее – ЛА) участники похода названы «дети боярскихъ молодыхъ»³⁵. Как справедливо отметил М. А. Несин, переписчик во 2-й пол. XV в., вероятно, допустил ошибку, смешав «детей боярских» и «молодых людей»³⁶. В следующий раз «дети боярские» упоминаются в статье НЛ за 1387 г., в которой говорится о сборе денег с Заволочья для выплаты контрибуции князю Дмитрию Ивановичу Донскому: «Тои же зимы ездиха за Волокъ Федоръ посадникъ Тимофеевич, Тимофеи Юрьевич, а с ним боярскихъ дети, брати 5000 рублевъ...»³⁷ М. А. Несин предполагает, что здесь «дети боярские» – буквально младшие мужчины из семей новгородской аристократии³⁸. В качестве доказательства М. А. Несин приводит сообщение НІВЛ: в нем среди участников поездки фигурирует «сын посаднич» Юрий Дмитриевич, упомянутый перед «иными детьми боярскими» и «молодшими людьми»³⁹. Кроме того, М. А. Несин ссылается и на чтение СІЛ, которое близко к варианту НІВЛ, но не аналогично ему: в известии СІЛ «посадничем» назван Федор Тимофеевич, указание на происхождение Юрия Дмитриевича отсутствует, а в составе

отряда упоминаются «иные молодшие дети боярские и люди молодые»⁴⁰. Очевидно, что при составлении НІВЛ и СІЛ текст известия подвергся переработке и был дополнен, в результате чего возникла определенная путаница: в НІВЛ появился «сын посаднич» Юрий Дмитриевич, тогда как в СІЛ «посадничем» назван посадник Федор Тимофеевич, а к «детям боярским» в НІВЛ прибавились «молодые люди» (незнатные новгородцы), которые в СІЛ превратились в «молодых людей» – «молодшими» же стали «иные дети боярские». Последнее наблюдение напоминает то, что произошло с текстом известия за 1364 г. при составлении ЛА: как уже говорилось выше, в нем прилагательное «молодые» перешло на «детей боярских». Как следствие, представляется, что аргументация М. А. Несина имеет довольно слабые основания, т. к. в приведенных летописных сообщениях наблюдаются следы поздней редакции, из-за которых искажается смысл оригинального текста, и в данном случае использование текста НІЛ кажется более предпочтительным. С другой стороны, в тексте НІЛ интересующая нас группа названа именно «боярскими детьми», а не наоборот – «детьми боярскими», как обозначалась категория служилых людей в Низовских землях. Это вполне может быть аргументом в пользу того, что в этом сообщении всё-таки имелись в виду сыновья новгородских бояр, как и считает М. А. Несин. Если учесть данный факт, то с интерпретацией М. А. Несина можно согласиться – по-видимому, собирать деньги с Заволочья в 1387 г. действительно отправились дети новгородских бояр. Поскольку в этом случае термин «дети боярские» был использован летописцем не для обозначения отдельной социальной категории, в дальнейшем это известие рассматриваться не будет. Особенно показательным летописное сообщение НІЛ за 1398 г., в котором «дети боярские» фигурируют при перечислении участников похода на великокняжеские земли в Заволочье: «...и бояри, и дети боярскихъ, и житиши люди и купечкыи дети, и вси их

³⁴ ПСРЛ. Т. 42. С. 132. Аналогичные тексты содержат и другие летописи Новгородско-Софийского круга – Новгородская четвертая летопись (далее – НІВЛ) и Софийская первая летопись (далее – СІЛ): ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. П., 1915. С. 291; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 436.

³⁵ См.: ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 90.

³⁶ Также М. А. Несин признает, что на основании данного летописного известия трудно сделать однозначный вывод о значении термина «дети боярские»: Несин М. А. Дети боярские в Новгороде XIV–XV вв. по материалам новгородского летописания // Valla. № 2 (4-5). 2016. С. 1.

³⁷ НІЛ. С. 380.

³⁸ Несин М. А. Дети боярские... С. 3.

³⁹ См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. Л., 1925. С. 347.

⁴⁰ См.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 489.

вои...»⁴¹ Следует отметить, что в данном случае «дети боярские» занимают далеко не последнее место в социальной иерархии – сразу после бояр и перед житейными людьми. Это, вероятно, свидетельствует о высоком социальном статусе этой группы. Однако М. А. Несин обратил внимание на то, что в новгородских актовых материалах «дети боярские» не упоминаются среди тех социальных категорий, которые участвовали в принятии политических решений, а значит, как считает исследователь, они не были частью «политического народа» Новгорода⁴². На основании этого М. А. Несин идентифицирует «детей боярских» как княжеских служилых людей, чьи воинские навыки ценились новгородцами, и поэтому они участвовали в походах в составе новгородского войска⁴³.

Данная интерпретация М. А. Несина также является достаточно спорной по ряду причин. Если предположить, что дети боярские находились на службе у великого князя или одного из новгородских служилых князей, то неизбежно возникают сложности с трактовкой летописных известий, особенно упомянутого выше сообщения НК2. Что могли делать княжеские служилые люди на территории Югры в 1364 г., и как они там оказались? Об участии «детей боярских» в походе на Югру упоминается и в статье НЛ за 1445 г.⁴⁴. Присутствие служилых людей князя или наместника на столь отдаленных территориях представляется маловероятным.

⁴¹ НЛ. С. 391.

⁴² Несин М. А. 1) Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич – один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 гг.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. Т. VII. 2015. С. 305, 307. URL: http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6 (дата обращения: 21.12.2015); 2) Дети боярские... С. 4-5; 3) Новгородские житейные люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV-XV вв. до второй половины 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 262. URL: http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8 (дата обращения: 08.06.2016).

⁴³ Несин М. А. 1) Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич... С. 305-309; 2) Дети боярские... С. 5-6; 3) Новгородские житейные люди... С. 258, 261-262, 264.

⁴⁴ См.: НЛ. С. 425.

Вместе с тем у нас нет точных данных, что в 1364 г. князь Дмитрий Иванович находился в Новгороде, зато из летописания известно, что в 1367 г. вместо него в городе находились его наместники⁴⁵. В отсутствие князя те служилые люди, которые были обязаны службой лично ему, вряд ли могли оказаться в Новгороде. Княжеские служилые люди могли составлять двор его наместников, но даже в этом случае их участие в походе на Югру, к тому же еще и без своих княжеских воевод, представляется сомнительным – эта территория расположена слишком далеко от Новгорода, чтобы представлять интерес для московских служилых людей. Более того, в новгородских летописных известиях XV в. по отношению к контингентам служилых князей уже используется термин «дворяне»⁴⁶, поэтому употребление термина «дети боярские» в известии НЛ за 1445 г. также выглядит странно. Таким образом, предположение М. А. Несина с трудом может считаться верным, т. к. оно плохо согласуется с данными источников.

Напротив, правильнее будет идентифицировать летописных «детей боярских» как боярских послужильцев⁴⁷, которые при этом являлись свободными горожанами, в отличие от зависимых «холопов збоев». С одной стороны, это позволяло «детям боярским» участвовать в вече и просить благословения у архиепископа, как это было в 1398 г. перед походом на Заволочье: в данном случае они

⁴⁵ См.: ПСРЛ. Т. 42. С. 133.

⁴⁶ Так, например, в описании битвы под Русой (1456 г.) в ЛА термин «дворяне» использован по отношению к служилым людям князя Василия Гребенки-Шуйского: ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 195.

⁴⁷ Д. А. Селиверстов также считает «детей боярских» боярскими послужильцами, однако он не приводит аргументов в поддержку данного тезиса: Селиверстов Д. А. Битва под Русой 3 февраля 1456 г. // Военное дело Московского великого княжества: Очерки истории (конец XIV – середина XV века). М., 2020. С. 271. Кроме того, исследователь утверждает, что фактически они были холопами бояр, хотя упоминание «детей боярских» в статье НЛ за 1398 г. этому противоречит – холопы не могли находиться среди участников вече и, тем более, находиться сразу после бояр в социальной иерархии, которая отражена в летописном тексте при описании социального состава вечников, пришедших просить благословения у архиепископа.

выступают именно как часть «политического народа» Новгорода. С другой же стороны, «дети боярские», по всей видимости, действительно не выделялись как отдельная социальная группа при составлении грамот на вече. Такая неоднозначная ситуация, когда «дети боярские» упоминаются в составе городского полка, но практически не выделяются среди вечников, может объясняться следующим образом: либо «дети боярские» всё же находились в определенной зависимости от бояр и поэтому не принимали самостоятельных решений на вече, либо они представляли собой довольно малочисленную прослойку, вследствие чего их не включали в формуляр договоров как отдельную социальную группу. Стоит отметить, что по аналогии с «детьми боярскими» среди вечников и в текстах договоров, как правило, не упоминаются «вои» – известие 1398 г. является исключением. Как и «дети боярские», это были свободные воины-профессионалы, принадлежность которых к политическому народу Новгорода не вызывает сомнений, однако на вече они не имели своего представительства. Тем не менее «дети боярские» регулярно участвовали в походах: они могли ходить в частные набеги вместе с «молодыми людьми» (в 1364 г.) и выступать в составе городского полка в полномасштабные походы (в 1398 г.). Во время похода на Заволочье в 1398 г. из «детей боярских» даже собрали отдельный отряд во главе с двумя воеводами, который сначала разорял великокняжеские земли до Галича, а затем осадил городок Орлец в Двинской земле. Под Орлецом к ним, видимо, присоединилась основная часть войска, после чего гарнизон был вынужден капитулировать, и двиняне вновь присягнули новгородцам. Об этом свидетельствует явная дублировка в тексте: *«И вышедши двиняне из городка, и начаши бити челомъ съ плачемъ воеводам и всемъ воемъ новгородцемъ, и воеводы новгородчкыи и вси вои...»*⁴⁸ В этом фрагменте дважды упоминаются воеводы и их «вои», что указывает на присутствие под городком сразу двух ратей, к которым и обращались двиняне. Таким образом, из этого

следует, что к концу осады под Орлецом находились не только «дети боярские», но и основные силы новгородцев. М. А. Несин считает, что отряду «детей боярских» была доверена главная задача похода – отвоевание Заволочья (Двинской земли), отнятого у Новгорода великим князем Василием Дмитриевичем⁴⁹. Из летописного известия следует, что эта рать во главе с двумя новгородскими воеводами-боярами сначала разорила великокняжеские волости до Галича, после чего пошла в Двинскую землю и осадил городок Орлец⁵⁰. В Орлеце в это время находился князь Федор Ростовский, отправленный туда «в засаду» (т. е. в гарнизон) великим князем и выполнявший функции великокняжеского наместника в Двинской земле. Отряд «детей боярских» заблокировал его в Орлеце, осадил городок и, по всей видимости, стал дожидаться подхода основных сил. Основные же силы новгородцев, во главе которых стояли посадники, направились к Белоозеру, где находились белозерский князь и великокняжеские воеводы, разорили волость вокруг Белоозера и сожгли старый городок, затем разграбили Кубенские волости, земли под Вологодой и Устюг, который новгородцы еще и сожгли⁵¹. Простояв под Устюгом 4 недели, основные силы двинулись к Орлецу на подмогу «детям боярским». Как мы видим, основные силы новгородцев занимались тем, что методично разоряли великокняжеские земли на Севере, в то время как отряд «детей боярских» вел боевые действия в Двинской земле, блокируя в Орлеце князя Федора Ростовского. При этом отряд «детей боярских» во главе с двумя воеводами действовал вполне самостоятельно, хотя и был малочисленнее. О том, что эта рать изначально предназначалась для блокирования Орлеца, свидетельствует то, что этот отряд использовал осадные машины – «пороки»: вероятно, «детям боярским» был отдан обоз с «пороками», с помощью которых они должны были вести осаду Орлеца до подхода основных сил.

⁴⁹ Несин М. А. 1) Дети боярские... С. 5; 2) Новгородские житыи люди... С. 262.

⁵⁰ См.: НЛ. С. 391-392.

⁵¹ См.: НЛ. С. 392.

⁴⁸ НЛ. С. 392.

Таким образом, анализ летописных упоминаний «детей боярских» позволяет нам довольно уверенно идентифицировать их как боярских послужильцев, противопоставив их княжеским служилым людям, по отношению к которым в новгородском летописании использовался термин «дворяне». Будучи частью «политического народа» Новгорода, как «дети боярские», так и «вои» не выделялись в отдельную группу среди вечников. Несмотря на это, они входили в городской полк Новгорода в составе боярских контингентов и активно участвовали в походах. Прямые упоминания «детей боярских» в летописных сообщениях указывают на то, что они могли участвовать в дальних рейдах, например, на Югру в 1364 и 1445 гг. Известие 1364 г. наглядно показывает, что их, как и «молодых людей», привлекала возможность пограбить. Во время полномасштабных походов «дети боярские» во главе с воеводами могли действовать самостоятельно, представляя собой весьма боеспособный контингент профессиональных воинов. В 1398 г. отряд «детей боярских» не только разорил великокняжеские земли до Галича, но и блокировал Орлец, где находились силы князя Федора Ростовского. В этом случае «дети боярские» сумели организовать полноценную осаду городка с использованием осадных машин, ожидая подхода основной части войска. В целом можно заключить, что «дети боярские» – это профессиональные воины, находившиеся на службе у новгородских бояр и состоявшие вместе с ними в городском полку. Они регулярно участвовали как в частных рейдах, так и в полномасштабных походах, во время которых они могли выполнять самые разнообразные функции.

Житьи люди. Вопрос о положении житьих людей в социально-политической структуре Новгорода пока остается дискуссионным. На данный момент исследователи сходятся на том, что житьи являлись второй по значимости после боярства свободной социальной категорией, представители которой принимали участие в вече, служили в городском полку и входили в состав посольств⁵². Согласно Ю. Г.

Алексееву, появление житьих относится к 2-й пол. XIV в., когда они выделились из «черных людей» – низшей категории свободного городского населения⁵³. Исследователи И. Д. Беляев и П. В. Лукин, напротив, связывают происхождение житьих с сословием купцов⁵⁴. Другой точки зрения придерживается О. В. Мартышин: по его мнению, житьи вовсе не были отдельной социальной группой – они смыкались с представителями крупного купечества⁵⁵. Эти версии подверг критике М. А. Несин. Согласно М. А. Несину, житьи люди являлись отдельной социальной группой, не связанной с купцами. Происхождение новгородских житьих исследователь предлагает связать с одной из категорий местной аристократии – возможно, с «меньшими боярами», тем самым солидаризируясь с В. Л. Яниным⁵⁶.

Исследование М. А. Несина позволяет не только уточнить происхождение житьих и их место в вечевой иерархии Новгорода, но и определить, каким образом они участвовали во внешней политике Новгорода вообще. Житьи люди, в отличие от бояр, никогда не занимали должности городских магистратов – посадника и тысяцкого, хотя некоторые представители житьих обладали значительными земельными наделами, сравнимыми с боярскими⁵⁷. Чаще всего житьи и их представители упоминаются среди вечников, при составлении различных договоров и в составе посольств. Первые такие упоминания житьих в актовых материалах относятся к 1430-м гг.⁵⁸. В текстах

⁵³ Алексеев Ю. Г. Черные люди Великого Новгорода и Пскова // Исторические записки. Т. 103. 1979. С. 262.

⁵⁴ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 2. М., 1864. С. 80-81; Лукин П. В. Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г. // Slověne. International Journal of Slavic Studies. Т. 4. № 1. 2015. С. 258-260.

⁵⁵ Мартышин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 158-159.

⁵⁶ Несин М. А. Новгородские житьи люди... С. 252-253; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 421, 422.

⁵⁷ Несин М. А. Новгородские житьи люди... С. 247.

⁵⁸ См., например, договорную грамоту великого князя литовского Свидригайло с Великим Новгородом (№ 63): Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее

⁵² Несин М. А. Новгородские житьи люди... С. 247.

новгородских актов житьи всегда стоят после бояр, но перед купцами и «черными людьми». В летописных текстах житьи люди впервые фигурируют во время переговоров с московским князем Дмитрием Ивановичем в 1380 г.⁵⁹ В 1386 г. житьи присутствовали среди вечников во время отмены митрополичьих судов в Новгороде и смогли добиться присутствия своих представителей в качестве наблюдателей на владычном суде⁶⁰. В 1441 г. представители житьих вместе с владыкой Евфимием II и боярами участвовали в посольстве к Василию II, которое должно было заключить перемирие с великим князем под Демоном⁶¹. Однако роль житьих, как считает М. А. Несин, в этом посольстве была скромной⁶². Впоследствии эта тенденция развилась настолько, что в качестве делегатов от житьих стали выступать бояре: так, уже во время заключения Яжелбицкого мирного договора в 1456 г., как было показано М. А. Несиным, представителями от житьих были новгородские бояре.

Как было указано выше, житьи люди считались одной из категорий землевладельцев, и именно земельные наделы служили экономической основой для участия житьих в военных походах как полноценных конных воинов. Упоминания житьих в летописных известиях, связанных с походами городского полка Новгорода, встречаются не так часто. Стоит отметить, что в летописных списках потерь житьи не упоминаются вовсе, в отличие от бояр: вероятно, это связано с их невысоким социальным статусом, по сравнению с представителями новгородской аристократии. Поскольку житьи люди были частью «политического народа» Новгорода, обладали значительными земельными владениями и, как следствие, входили в состав городского полка, мы можем предполагать участие в походах житьих, даже если в летописных статьях они не упоминаются напрямую. Прямые указания

на участие житьих в походах можно выделить лишь в двух летописных известиях: о походе на Заволочье в 1398 г. и о битве под Русой в 1456 г. В первом случае «*житьи люди*» упоминаются в составе новгородского войска перед походом, когда новгородцы просили благословения у архиепископа⁶³. При перечислении социального состава войска в летописном тексте они находятся после бояр и детей боярских, но перед купеческими детьми. Здесь заметно некоторое противоречие с тем, какое место обычно занимали житьи в формуляре актов и в текстах летописных известий о дипломатических посольствах: в иерархии новгородского войска житьи следовали не сразу за боярами – между ними находились «дети боярские», которые в городском полку выделялись в отдельную группу и занимали в нем более высокое положение, чем житьи люди. Также «*житьи люди*» фигурируют в сообщении ЛА за 1456 г., в котором они упоминаются в составе городского полка Новгорода, выступившего к Русе вместе с двором служилого князя Василия Гребенки-Шуйского: «...а не въ мнози силе бояре, и *житьи люди*, и молодежь людий немного...»⁶⁴ При этом нам ничего не известно об их участии в битве – в тексте «*житьи люди*» не числятся среди убитых и попавших в плен. На основании этого М. А. Несин предположил, что житьи, если они вообще участвовали в сражении, практически не понесли потерь⁶⁵, однако данная трактовка представляется не совсем убедительной. Напротив, подобное молчание со стороны летописца о потерях житьих вполне объяснимо: в летописных текстах житьи и ранее не упоминались в списках убитых – летописцы явно отдавали предпочтение более высокопоставленным боярам, которые обычно перечислялись поименно. Вероятно, житьи всё же понесли потери во время сражения под Русой наравне с боярами, но летописец не счел нужным написать об этом. Что же касается пленных из числа житьих, сам М. А. Несин подчеркивает, что москвичи и татары вряд ли их брали, т. к. для малочисленного великокняжеского войска

– ГВНП) / Под ред. С. Н. Валка. М.- Л., 1949. С. 105-106.

⁵⁹ См.: НЛ. С. 376.

⁶⁰ См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 342.

⁶¹ См.: НЛ. С. 421;

⁶² Несин М. А. Новгородские житьи люди... С. 268.

⁶³ НЛ. С. 391.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 194.

⁶⁵ Несин М. А. Новгородские житьи люди... С. 269.

большой полон стал бы обузой, в плен были захвачены только представители новгородской боярской элиты⁶⁶.

Таким образом, в рассматриваемый период житьи люди оформились в отдельную социальную категорию, которая в вечековой иерархии находилась сразу после боярства. В отличие от бояр, житьи не могли занимать должности посадника и тысяцкого, но в то же время имели своих представителей во владычном суде, хотя их полномочия были ограничены. Во внешней политике житьи также принимали участие – об этом свидетельствуют упоминания данной группы в текстах договоров и в составе посольств, однако влиять на ход переговоров представители житьих не могли. Настоящая власть в Новгородской земле, несомненно, принадлежала боярству, поэтому житьи постепенно утратили свое представительство во время дипломатических посольств. Впрочем, на протяжении всего рассматриваемого периода житьи оставались частью «политического народа» Новгорода: они не просто были свободными горожанами, но и обладали довольно высоким статусом, являясь второй после боярства категорией землевладельцев, что позволяло им участвовать в политической жизни Новгорода как на вече, так и в составе посольств. Вместе с тем житьи люди служили в городском полку Новгорода и в его составе принимали участие в походах. Как удачно отметил М. А. Несин, положение житьих в обществе и на вече соответствовало и их положению в войске⁶⁷. Отличие заключается лишь в том, что во время веча и при заключении договоров житьи занимали следующее по значимости место после бояр, а иерархии городского полка – после бояр и детей боярских. В Пскове, напротив, в рассматриваемый период житьи еще не выделились как самостоятельная группа: как было показано А. А. Вовиным, первые упоминания житьих в псковских источниках (в летописях и актовых материалах) относятся к 70-м гг. XV в⁶⁸.

Купцы и купеческие дети. Купечество Новгорода, как было показано М. А.

Несиним, оформилось в виде отдельной социальной группы уже в XII в⁶⁹. По мнению М. А. Несина, основным занятием этой группы населения была торговля, и купечество имело свои профессиональные объединения, основанные на корпоративных принципах: ярким примером такого корпоративного объединения новгородских купцов является знаменитое «Ивановское сто». Купцы, будучи полноправными свободными новгородцами, входили в «политический народ» Новгорода и могли участвовать в вече. В социальной иерархии Новгорода, судя по формуляру новгородских актов, купечество находилось ниже бояр и житьих людей, но выше «черных людей»⁷⁰. Как было отмечено М. А. Несиним, в правовом поле купцы могли сближаться с «черными людьми»⁷¹. Так, например, в тексте Новгородской Судной Грамоты (далее – НСГ) боярам и житьим противопоставлены «молодые люди», под которыми могли подразумеваться как купцы, так и «черные люди», поскольку относительно привилегированных слоев бояр и житьих они считались «молодыми», т. е. «младшими», нижестоящими по социальному положению⁷². Однако купечество как социальная группа не было однородным: помимо купцов, в письменных источниках также встречается термин «купеческие дети». В некоторых новгородских актах эта группа упоминается вместе с купцами, но всегда после них⁷³. В других актах и в летописном известии НЛ за 1398 г. «*дети купечкые*», напротив, упомянуты отдельно от купцов⁷⁴.

⁶⁹ Несин М. А. Купечество вечевого Новгорода XII–XV вв. по данным письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. Вып. XI. Великий Новгород, 2012. С. 177–178, 182.

⁷⁰ См., например, грамоты № 96 и № 98: ГВНП. С. 152–153, 154.

⁷¹ Несин М. А. Купечество вечевого Новгорода... С. 181.

⁷² См., например, 6-ю и 10-ю статьи НСГ: Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Под ред. С. В. Юшкова, сост. А. А. Зимин. М., 1953. С. 213.

⁷³ В грамотах №74 и №76: ГВНП. С. 124–126, 127–129.

⁷⁴ В грамотах № 62 и № 67: ГВНП. С. 102–104, 110–112; НЛ. С. 391.

⁶⁶ Там же. С. 271–272.

⁶⁷ Несин М. А. Новгородские житьи люди... С. 264.

⁶⁸ Вовин А. А. Городская коммуна... С. 140.

По мнению М. А. Несина, «купеческие дети» представляли собой низшую прослойку купечества, о чем свидетельствует их место в формуляре – всегда после собственно купцов, если в тексте эти социальные категории фигурируют вместе⁷⁵. Д. А. Селиверстов полагает, что «купеческие дети» могли быть клиентам купцов⁷⁶.

Что же касается участия купцов и «купеческих детей» в военных походах, в новгородском летописании встречаются сообщения, в текстах которых есть указания на это, однако их количество крайне невелико. Таких сообщений можно выделить всего два – это статьи НЛ за 1316 и 1398 гг. В первом случае купцы упомянуты в списке потерь новгородцев в битве под Торжком в 1316 г.⁷⁷ Во втором случае, как было отмечено выше, упоминаются только «купеческие дети», которые участвовали в походе новгородцев на великокняжеские земли в Заволочье в 1398 г.⁷⁸ В 1316 г. купцы, согласно летописному тексту, выступили в составе городского полка Новгорода, участвовали в битве под Торжком и понесли потери: вероятно, их участие в этом военном предприятии было обусловлено тем, что Торжок находился в сфере торговых интересов новгородского купечества. В походе на Заволочье в 1398 г. купцы, скорее всего, не участвовали, выставив вместо себя свою «младшую братию» – «купеческих детей». Такое решение купцов вполне объяснимо. В отличие от Торжка, который расположен на сравнительно небольшом расстоянии от Новгорода, Заволочье находилось на периферии Новгородской земли, поэтому поход туда занимал довольно много времени. Как следствие, если бы новгородские купцы участвовали в походе 1398 г., то им бы пришлось долго отсутствовать в городе, что вряд ли хорошо сказалось бы на торговых делах. Вероятно, именно поэтому купцы Новгорода, занятые

крупными торговыми операциями, отказались от участия в походе на Заволочье, и вместо них в составе городского полка на войну выехали «купеческие дети», чья торговая деятельность была менее значима для экономики Новгорода.

Таким образом, данные летописания позволяют нам утверждать, что купечество Новгорода принимало участие как минимум в двух военных походах в составе городского полка – в 1316 и 1398 гг. С одной стороны, если исходить только из летописных сообщений, то роль купцов и купеческих детей в городском полку может показаться эпизодической, т. к. их участие в походах отмечено всего дважды. С другой стороны, стоит помнить, что летописные сведения зачастую довольно ограничены, и пользоваться исключительно ими не следует. Мы всё же можем предположить, что купечество как социальная группа было активным участником военных предприятий и входило в городской полк. Во-первых, пусть военное дело не было основным занятием купцов, они могли иметь определенную военную подготовку или выставлять вместо себя профессиональных воинов: в Средние века торговля была довольно опасным делом, купцы часто подвергались нападениям и были вынуждены сами давать отпор нападавшим или нанимать охрану. Во-вторых, новгородские купцы были достаточно состоятельными, чтобы позволить себе профессиональное вооружение и боевого коня, а самые богатые, вероятно, могли обеспечить снаряжением еще и некоторое количество послужильцев. В-третьих, помимо ведения торговых дел, купечество в Новгороде обладало землей⁷⁹, а значит, купцы-землевладельцы должны были включаться в норму мобилизации войска («разруб»), в соответствии с которой в городской полк выставлялось по всаднику с определенного количества земли. Итак, приведенные выше аргументы в совокупности с летописными данными дают нам основания утверждать, что новгородские купцы также несли службу в городском

⁷⁵ Несин М. А. Купечество вечевое Новгорода... С. 182, 183.

⁷⁶ Селиверстов Д. А. Войны и войско Дмитрия Донского // Военное дело Московского великого княжества: Очерки истории (конец XIV – середина XV века). М., 2020. С. 12.

⁷⁷ См.: НЛ. С. 336.

⁷⁸ Там же. С. 391.

⁷⁹ Согласно 17-й и 18-й статьям НСГ, купцы наравне с боярами и жителями считаются категориями землевладельцев. См.: Памятники русского права. Вып. 2. С. 214.

полку Новгорода. К сожалению, псковское летописание не содержит ни одного свидетельства об участии купцов в боевых действиях, поэтому у нас отсутствуют какие-либо опорные данные, которые позволили бы нам говорить о связи псковского купечества с городским полком. Гипотетически псковские купцы, как и их новгородские «коллеги», могли участвовать в походах в составе городского полка или выставляться в него какие-то контингенты, однако упоминаний об этом в псковском летописании нет – следовательно, доказать эту гипотезу пока не представляется возможным.

Сельники и сельские люди. О данной социальной категории известно довольно мало: в новгородском и псковском летописании «сельники» и «сельские люди» упоминаются всего три раза – в 1407, 1445 и 1462 гг. В первом случае, из сообщения ПЛ следует, что «сельские люди» участвовали в Каменском побоище 21 августа 1407 г. и понесли потери⁸⁰. В двух других летописных статьях «сельники» упомянуты в составе новгородского войска: в 1445 г. новгородцы отправили в авангард «селников луских» и «вочских и ижерьских боярь» (представителей местной водской и ижорской аристократии?), а в 1462 г. новгородцы послали к Орешку «ореховьских сельников»⁸¹. Как подчеркивает О. В. Комаров, в «сельских людях» вряд ли стоит видеть сельских ополченцев-смердов: по мнению исследователя, так могли назвать конных ратников из волости, противопоставляя их боярам, проживавшим в городе⁸². Такая интерпретация данного термина представляется наиболее логичной. По аналогии с псковскими «сельскими людьми», новгородские «сельники» также могли быть служилыми людьми, проживавшими в волости: в Луском селе⁸³ и под Орешком соответственно. В «политический народ» Новгорода и Пскова

«сельники» и «сельские люди» не входили, т. к. они жили в волости и не могли считаться полноправными членами городской общины⁸⁴. Несмотря на это, они были полноценными воинами и входили в состав городских полков: приведенные выше летописные известия прямо указывают на их участие в походах и боевых действиях. Кроме того, даже когда прямые указания в летописных текстах отсутствуют, мы можем вполне обоснованно предполагать, что «сельники» и «сельские люди» участвовали в тех походах, для которых новгородцы и псковичи проводили мобилизацию своих волостей («совокупляли волость»).

Черные и молодые люди. Вопрос о положении «черных» и «молодых людей» в городском полку неразрывно связан с их участием в вече. Однако для начала следует определить значение этих терминов, встречающихся в летописании и в формуляре актовых материалов Новгорода и Пскова. Как было отмечено Ю. Г. Алексеевым, в дореволюционной историографии предпринимались попытки отождествления «черных людей» с «молодшими»⁸⁵. В современных работах, наоборот, эти два понятия разделяются: согласно выводам исследователей социальной структуры Новгорода, «черные люди» – это низшая по статусу группа незнатных свободных горожан⁸⁶, а «молодые люди» – это собирательный термин, которым обозначались купцы и черные люди⁸⁷. Этот термин использовался в текстах ситуативно, чтобы подчеркнуть разницу в социальном положении: как уже говорилось выше, относительно боярства и житейских людей купцы и «черные люди» рассматривались как «молодые», т. е. «младшие» по статусу. В псковских материалах, напротив, эти

⁸⁰ См.: ПЛ. Вып. I. С. 31.

⁸¹ См.: НЛ. С. 424; ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 210.

⁸² Комаров О. В. Устройство псковского войска XIV – начала XVI вв. по летописным данным // Novogardia. № 2. 2019. С. 111.

⁸³ Топоним «Луское село» известен из другого летописного известия ПЛ, в котором перечисляются «кормления» служилого князя Патрикея Наримонтовича: НЛ. С. 379.

⁸⁴ П. В. Лукин и А. А. Вовин приходят к выводу, что жители волостей и пригородов находились в подчиненном положении по отношению к политическим центрам (Новгороду и Пскову) и не могли участвовать в городском вече: Лукин П. В. Новгородское вече. С. 299, 302, 326-327, 466-467, 500, 502, 503, 517; Вовин А. А. Городская коммуна... С. 155-159.

⁸⁵ Алексеев Ю. Г. Черные люди... С. 242.

⁸⁶ Лукин П. В. Новгородское вече. С. 316, 321.

⁸⁷ Несин М. А. Купечество вечаевого Новгорода... С. 181.

термины соединяются – «*чернии люди молодии*»⁸⁸. Это может свидетельствовать как о тождественности понятий⁸⁹, так и о том, что к «молодым» относились не только «черные люди» – тогда в данном случае упоминание «черных людей» будет своего рода уточнением более общего понятия «молодые». Однако в Пскове эта категория населения появляется в источниках лишь в конце XV в. А. А. Вовин связывает это с процессом социального расслоения псковской общины: «черные» или «молодые» люди – это «новые псковичи», бывшие посажане, которые стали горожанами и, соответственно, получили право участвовать в вече после постройки в 1465 г. стены Окольного города⁹⁰. По мнению А. А. Вовина, они не входили в псковскую элиту, которая проживала в Среднем городе (в пределах стен 1375 г.), однако считать «черных людей» Пскова городской беднотой у нас нет оснований⁹¹. В Пскове «черные люди», сформировавшиеся как социальная группа во 2-й пол. XV в., входили в состав «политического народа» и участвовали в вечевых собраниях, о чем свидетельствует летописное известие о «брани о смердах» 1485 г. Положение «черных людей» в Новгороде подробно рассмотрено в работе П. В. Лукина: исследователь приходит к выводу, что «черные люди» в Новгороде, как и в Пскове, были частью «политического народа» на протяжении всего периода существования Новгородской республики⁹². «Черные люди», будучи свободными горожанами, принимали участие в вече, от их лица составлялись грамоты – «черные люди» упоминаются в актовых материалах, и их представители отправлялись в составе посольств. Упоминание «черных людей» в тексте преамбулы к НСГ также свидетельствует в пользу того, что они являлись полноправными членами городской общины Новгорода⁹³. Таким образом, и в

Пскове, и в Новгороде «черные» и «молодые люди» представляли собой слой свободных горожан и входили в «политический народ» этих городов, находясь в вечевой иерархии ниже других социальных категорий.

Учитывая то, что «черные» и «молодые люди» участвовали в вече, мы вполне обоснованно можем предполагать и то, что они входили в состав городского полка. Однако для обоснования этой гипотезы необходимо найти в письменных источниках упоминания этой социальной категории в контексте военных походов. В предшествующий период, во 2-й пол. XIII в., «черные люди» фигурируют, например, в летописном известии НЛ о Раковорской битве (1268 г.) при перечислении потерь новгородского войска⁹⁴. Последнее упоминание «черных людей» как части городского полка встречается в новгородском летописании в статье НК2 за 1316 г. о битве под Торжком: «*И приидоша новгородци бояре без черных люди съ князем Афанасием в Торжок.*»⁹⁵ Это летописное известие служит определенным рубежом: с 1315 г. упоминания «черных людей» пропадают из описаний походов городского полка, а значит, у нас нет оснований считать, что «черные люди» входили в городскую воинскую корпорацию Новгорода – иначе это отразилось бы в текстах. Во 2-й пол. XIV в. «люди молодые» являются неизменными участниками походов ушкуйников. Однако их рейды нельзя воспринимать как походы городского полка Новгорода: рейды ушкуйников были частными военными предприятиями, которые зачастую предпринимались без санкции Новгорода («*без новгородьчкого слова*»), на что прямо указывают летописные тексты⁹⁶. А. В. Быков настаивает на том, что новгородские «молодцы»-ушкуйники являлись профессиональными воинами и их можно считать составной частью новгородского войска⁹⁷. При этом сам же А. В. Быков признает, что отряды ушкуйников не входили в новгородское ополчение (городовой полк) и

⁸⁸ См., например, летописное известие 1485 г. о т.н. «брани о смердах»: ПЛ. Вып. II. С. 66.

⁸⁹ Вовин А. А. Городская коммуна... С. 199.

⁹⁰ Вовин А. А. Городская коммуна... С. 200-202.

⁹¹ Там же. С. 202.

⁹² Лукин П. В. Новгородское вече. С. 316-317, 321, 322, 325.

⁹³ См.: Памятники русского права. Вып. 2. С. 212.

⁹⁴ См.: НЛ. С. 86.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 42. С. 123.

⁹⁶ См., например: НЛ. С. 369.

⁹⁷ Быков А. В. Структура и численность... С. 41-42, 45, 47.

действовали зачастую без санкции новгородского веча⁹⁸, что явно противоречит собственному тезису автора об ушкуйниках как составной части новгородского войска. Также не понятно, почему исследователь считает новгородских «молодцев» профессиональными воинами: участие в боевых действиях с целью грабежа вряд ли может считаться достаточным основанием для того, чтобы определить профессиональную принадлежность этой группы людей как военных. Ватаги ушкуйников не представляли собой постоянных воинских формирований, как отмечает сам А. В. Быков⁹⁹. Они не несли службу «по отечеству», не принадлежали к городской воинской корпорации (городовому полку) и не мобилизовывались в случае войны. Единственным компонентом именно профессиональных военных в рядах ушкуйников можно считать «детей боярских»¹⁰⁰. В летописных известиях о рейдах и полномасштабных походах именно городского полка Новгорода «черные» и «молодые люди» не упоминаются вовсе с 1315 по 1456 г. Вполне возможно, что исчезновение «черных» и «молодых людей» из состава городского полка Новгорода служит маркером процесса элитаризации данной воинской корпорации в указанный период, однако возросшее давление со стороны Москвы прервало этот процесс. «Люди молодые» вновь появляются в письменных источниках в сообщении ЛА о битве под Руссой 1456 г.: «...а не въ мнози силе бояре, и житьи люди, и молодехъ людий немного...»¹⁰¹ Стоит отметить, что в данном случае летописец отдельно подчеркнул немногочисленность «молодых людей» в новгородском войске. Если принять интерпретацию М. А. Несина, то в летописных «молодых людях» следует видеть как купцов, так и «черных людей», которые, согласно известию ЛА, принимали участие в походе к Руссе против великокняжеских войск. В этом летописном сообщении также содержится описание случившегося с «молодыми людьми» после поражения: «...а

раненыхъ и битыхъ много, и те прибежавше в Новгородъ и помроша, но не бояре, а молодиши люди...»¹⁰² То есть «молодые люди» в ходе боя или во время погони получили ранения и травмы (по предположению М. А. Несина, ударным оружием типа шестопера¹⁰³), от которых они умерли уже в Новгороде, преодолев около 70 км от места сражения. М. А. Несин считает, что это свидетельствует о низком качестве доспехов «молодых людей» по сравнению с боярами и житыми¹⁰⁴. Такая интерпретация представляется достаточно обоснованной: вряд ли «молодые люди» могли позволить себе профессиональное защитное снаряжение столь же высокого класса, как у бояр и житых. Вероятно, какое-то небольшое число «молодых людей», т. е. купцов и «черных людей», действительно находилось в составе городского полка Новгорода во время похода к Руссе в 1456 г. Никаких подробностей об их роли на поле боя письменные источники не сообщают, поэтому нам остается только предполагать, что они участвовали в походе в качестве послужильцев более влиятельных людей – бояр и житых, в клиентелы которых входили «молодые люди». В Пскове же, как было отмечено выше, «молодые люди» как отдельная категория населения появились после 1465 г., что выходит за рамки рассматриваемого периода. Однако в псковском летописании есть сообщение о набеге, вероятно, судовой рати за р. Нарву в июне 1349 г., в котором основу отряда составляли «*псковичи пешци, молодые люди*»¹⁰⁵ (подробнее об этом походе см. ниже). Аналогичный рейд состоялся в августе 1407 г., и в нем также с высокой долей вероятности участвовали именно «молодые люди»: городской полк Пскова в это время отражал нападение основных сил ливонцев

¹⁰² Там же. Стб. 195.

¹⁰³ Несин М. А. 1) Сражение под Руссой Сражение под Руссой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. Т. V. 2014. С. 104. URL: http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1 (дата обращения: 18.06.2014); 2) Новгородские житьи люди... С. 270.

¹⁰⁴ Несин М. А. Новгородские житьи люди... С. 270-271.

¹⁰⁵ См.: ПСРЛ. Т. IV. Новгородские и ПЛ. СПб., 1848. С. 187.

⁹⁸ Там же. С. 41.

⁹⁹ Там же. С. 42.

¹⁰⁰ См., например: ПСРЛ. Т. 42. С. 132.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 194.

на суше и понес тяжелые потери во время Каменского побоища 21 августа 1407 г. Таким образом, мы видим, что в летописном известии о набеге за Нарву в июне 1349 г. «молодые люди» однозначно принимали участие и выделялись летописцем как особая социальная группа, хотя в описаниях вечевых собраний в это время они еще не упоминаются. Тот факт, что «молодые люди» фигурируют в летописных текстах исключительно в составе судовых ратей, походы которых были частной инициативой, позволяет нам провести аналогию с новгородскими «молодцами»-ушкуйниками. Как и новгородские ушкуйники, псковские «молодые люди» не являлись профессиональными воинами, которые были обязаны выступать в походы в составе городского полка, поэтому в полномасштабных походах и сражениях они не участвовали. Тем не менее в условиях постоянной «малой войны» они выполняли довольно важную задачу – грабили и разоряли приграничные поселения, нанося экономический ущерб противнику. Использование «молодыми людьми» речных судов для передвижения вполне объяснимо: позволить себе боевого коня и набор профессионального снаряжения для конного боя они вряд ли могли.

Итак, проанализированные летописные известия, в которых «черные» и «молодые люди» упоминаются в контексте военных действий, позволяют нам проследить определенные изменения в том, какое положение они занимали в войске. В Новгороде «черные люди» отмечаются в составе городского полка до 1315 г., после чего упоминания о них исчезают из письменных источников. Во 2-й пол. XIV в. новгородские «молодые люди» уже не входят в городской полк, при этом активно участвуя в частных военных предприятиях – рейдах ушкуйников. К сер. XV в. положение «молодых людей» вновь меняется: некоторое их количество выступает в поход к Руссе в 1456 г. в составе городского полка Новгорода. Вероятно, они принимали участие в походе в качестве послужильцев бояр и житых людей, с которыми их связывали клиентские отношения. В Пскове, напротив, «молодые люди» в XIV – 1-й пол. XV в.,

согласно данным летописания, вообще не были частью псковского войска. Их участие в боевых действиях ограничивалось набегами на незащищенные поселения по берегам р. Нарвы. Эти судовые рати действовали отдельно от городского полка, и их рейды также были частной инициативой, как и в случае с походами новгородских ушкуйников. О мобилизации псковских «молодых людей» в городской полк и об их участии в полномасштабных походах вместе с псковским войском письменные источники ничего не сообщают. Ввиду этого, утверждения о значительной роли «черных людей» в новгородском и псковском войске следует признать несостоятельными¹⁰⁶. Такое положение «черных» и «молодых людей» противоречит идее П. В. Лукина о тождественности веча и городского полка: черные и молодые люди являлись полноправными членами городской общины и входили в «политический народ», однако они либо надолго исчезают из состава городского полка (в Новгороде – с 1315 по 1456 гг.), либо не включаются в него вообще (как в случае с Псковом). Объяснить это можно тем, что «черные» и «молодые люди» не были профессиональными воинами и не имели достаточных средств, чтобы приобрести себе дорогостоящее вооружение и боевого коня, т. к. они не являлись землевладельческой категорией населения, в отличие от бояр, житых людей и купцов, и поэтому они не входили в городской полк. Новгородские «молодые люди», которые сражались под Руссой в 1456 г., скорее всего, находились в составе контингентов бояр и житых людей и снаряжались за их счет. Существовал и другой способ компенсировать то, что «молодые люди» не могли приобрести коня и профессиональное вооружение за свой счет: они отправлялись в частные рейды, передвигаясь на речных судах. Для участия в таких набегах не требовалось иметь профессиональную подготовку и снаряжение, т. к. нападениям подвергались незащищенные поселения. Вместе с тем они сулили легкую добычу – во время набегов «молодые люди» грабили и

¹⁰⁶ Этого мнения придерживался, например, А. Н. Кирпичников: *Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв.* Л., 1976. С. 12.

разоряли сельскую местность, что позволяло им улучшить свое материальное положение. Для новгородских и псковских «молодых людей» рейды, несомненно, были источником дохода, и именно это служило стимулом для участия в них. В полномасштабных боевых действиях «молодые люди» в рассматриваемый период практически не участвовали – война всё же оставалась прерогативой городского полка, состоявшего из воинов-профессионалов, которые могли обеспечить себя и боевыми конями, и дорогостоящим вооружением. Обычно воины городского полка выезжали на войну в конном строю, однако в некоторых случаях им приходилось спешиваться или использовать для передвижения суда – об этом пойдет речь далее.

Конная рать

Тезис об основополагающей роли конницы в древнерусском войске, выдвинутый еще А. Н. Кирпичниковым, на данный момент никем не ставится под сомнение. Однако и А. Н. Кирпичников, и М. Г. Рабинович не считали конницу единственной составляющей городских полков, отмечая также наличие пехоты в городском ополчении (подробнее об этом см. ниже). На сегодняшний день подобные утверждения уже не выглядят достаточно обоснованными, в связи с чем возникает необходимость обратиться к письменным источникам. Анализ материалов новгородского и псковского летописания, напротив, показывает, что городские полки представляли собой исключительно конные контингенты.

Из летописных сообщений 2-й пол. XV – нач. XVI в. нам известно, как происходила мобилизация городского полка в Пскове. Так, например, в июне 1471 г. псковичи готовились к походу на земли Новгорода: «...а всем Псковом начаша по всем концом роубитися искрепка, а посадниковъ и бояръ великих на вече всем Псковом начаша оброубати доспехы и с конмы.»¹⁰⁷ То есть в поход были мобилизованы только те, кто

обладал доспехом и конем. В трех других случаях летописные тексты также сообщают, с какого земельного надела должен был выезжать конный воин: в 1480 г. «...много скрутившися поеха с четырех сох конь и человекъ...»¹⁰⁸, в 1495 г. «...псковичи срубулися з десяти сох человек конны...»¹⁰⁹, в 1500 г. «и посадник псковские и бояре и весь Псков пороубившися з десяти сох конь, а сорока роублев конь и человекъ в доспехе...»¹¹⁰. Таким образом, из несколько более поздних летописных сообщений мы видим, что псковская норма мобилизации («разруба») городского полка подразумевала сбор конных воинов, которые затем отправлялись в поход в конном строю. Кроме того, им предписывалось иметь доспех (статьи 1471 и 1500 гг.). Это подтверждается и тем, что при описании боевых действий летописец неоднократно использовал различные термины, подразумевающие наличие доспехов у воинов городских полков Пскова и пригородов: «железная рать», «снастная рать», «доспешные люди», «кованая рать»¹¹¹. Как справедливо подчеркивает О. В. Комаров, данные понятия синонимичны и они служат для обозначения «полноценных воинов», которые могли себе позволить коня и доспех¹¹². Таким образом, приведенные летописные фрагменты наглядно показывают, что городские полки Пскова и пригородов состояли из «полноценных воинов», способных воевать в конном строю и имевших серьезное защитное вооружение – доспех. Эти данные могут быть также экстраполированы и на Новгород¹¹³.

¹⁰⁸ ПЛ. Вып. I. С. 76.

¹⁰⁹ Там же. С. 81.

¹¹⁰ ПЛ. Вып. I. С. 84.

¹¹¹ В августе 1406 г. вельяне собрали 150 человек «железною рати» и атаковали ливонские силы, вторгшиеся в Псковскую землю: ПЛ. Вып. II. С. 113. В 1426 г. на подмогу осажденной Витовтом Опочке псковичи прислали «50 муж снастною рати»: ПЛ. Вып. I. С. 36. В 1471 г. во главе «охочей рати» были «воеводы болише или доспешные люди», а после неудачного столкновения с новгородцами псковичи приставили к ним «20 человекъ да 100 кованые рати»: ПЛ. Вып. II. С. 184.

¹¹² Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 123, 127.

¹¹³ Так, например, в описании битвы под Русой (1456 г.) московский летописец отмечает «крепкие

¹⁰⁷ ПЛ. Вып. II. С. 180.

Отдельно следует остановиться на языковых особенностях новгородского и псковского летописания XIV – 1-й пол. XV в. При описании военных походов в летописных текстах используются формы двух глаголов: «*поидоша*» и «*поехаша*». Прояснить их значение помогает анализ контекста, в котором они встречаются в летописных статьях. Использование глагола «*поехаша*» однозначно говорит о том, что пешая рать не могла участвовать в походе: выбор этого глагола указывает на передвижение войска в конном строю или реже на судах¹¹⁴. Более того, этот глагол встречается в тех текстах, в которых конная рать упоминается напрямую¹¹⁵. С глаголом «*поидоша*» ситуация несколько сложнее, т. к. в своем основном значении он означает движение пешком, и может показаться, что его употребление свидетельствует о пешем характере похода. Однако этот глагол не стоит воспринимать буквально: так, например, в летописных повествованиях о Батыевом нашествии в составе псковских и новгородских летописей используются формы «*прииде*», «*приде*» и «*приидоша*»¹¹⁶, хотя в данном случае очевидно, что войско Батия было целиком конным. Также глагол «*поидоша*» и близкие к нему может быть составной частью устойчивых летописных формул: «*приидоша ратью*», «*поидоша к / в / на / за...*», «*идоша воевати*» и пр.¹¹⁷. В ПЛ в одном случае (в статье за 1407 г.) глагол «*ходиша*» использован даже по отношению к судовой рати: «*В то же время иная рать*

доспехи» на новгородцах: ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л., 1949. С. 274.

¹¹⁴ К такому же выводу относительно псковского летописания приходит О. В. Комаров: *Комаров О. В. Устройство псковского войска...* С. 112.

¹¹⁵ Например, в статьях Псковской Первой летописи (далее – П1Л) и Псковской Второй летописи (далее – П2Л) за 1323 г., 1343 г., 1349 г., 1407 г.: ПЛ. Вып. I. С. 16, 20, 30; ПЛ. Вып. II. С. 23, 25, 26, 33.

¹¹⁶ См.: ПЛ. Вып. I. С. 12; НЛ. С. 74, 286; ПСРЛ. Т. 42. С. 112.

¹¹⁷ См., например: НЛ. С. 94, 95, 96, 97, 98, 336, 337, 338, 339, 341, 342, 356, 361, 371, 374, 383, 386, 399, 400, 418, 424; ПСРЛ. Т. 42. С. 89, 90, 91, 92, 97, 123, 124, 126, 129, 165, 172, 177; ПЛ. Вып. I. С. 15, 23, 25, 28, 29, 30, 31, 36, 45; ПЛ. Вып. II. С. 22, 24, 27, 28, 32, 33, 34, 35, 40, 41, 46, 48, 49.

ходиша за Норову псковская в лодяхъ.»¹¹⁸

Таким образом, пример глагола «*поидоша*» демонстрирует всю условность языка летописных текстов: круг значений этого глагола чрезвычайно широк и не точен. Как мы видим, глагол «*поидоша*» вполне может обозначать движение конного войска, а сам факт использования летописцем этого глагола не может быть доказательством участия пехоты в походах. Кроме того, в пользу конного характера городских полков говорит то, что они могли преследовать разгромленных противников после боя, перехватывали вражеские рейды-«*загоны*» и сами устраивали рейды на значительные расстояния, что было бы совершенно невозможно сделать силами пехоты¹¹⁹. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что во всех случаях, когда летописи сообщают о походах с участием городских полков, речь идет именно о конном войске.

Помимо полномасштабных боевых походов и набегов, для которых проводилась мобилизация всех сил городского полка, волости и полков из пригородов, в некоторых случаях полноценные воины-профессионалы могли выступать как добровольцы – «*охочие люди*». Подобные случаи отмечены в псковском летописании – это связано с крайне неспокойной ситуацией на границах Псковской земли. В июне 1341 г. псковичи

¹¹⁸ ПЛ. Вып. I. С. 31. Примечательно, что в П2Л, напротив, использован глагол «*ездиша*»: ПЛ. Вып. II. С. 34.

¹¹⁹ Так, например, в октябре 1406 г. под Кирьяпигой (Киремпе) псковичи разгромили ливонцев и преследовали их на протяжении 15 верст: ПЛ. Вып. I. С. 29. О. В. Комаров ошибочно относит этот поход к октябрю 1407 г., хотя в летописи говорится про октябрь 6915 г., что при использовании сентябрьского стиля дает в переводе октябрь 1406 г. См.: *Комаров О. В. Устройство псковского войска...* С. 124. Новгородцы в 1323 г. перехватили литовский рейд на р. Ловоти: ПСРЛ. Т. 42. С. 124. Осенью 1367 г. вельяне пытались перехватить немецкий отряд, который грабил местность около Велья и Залесье, но потерпели поражение: ПЛ. Вып. II. С. 27-28. Городовые полки Пскова и его пригородов постоянно отбивали ливонские и литовские набеги на волость во время войны 1406–1409 гг.: ПЛ. Вып. I. С. 31-32; ПЛ. Вып. II. С. 113, 116-117. Из дальних походов новгородцев можно отметить крупный рейд за Двину в 1398 г.: НЛ. С. 391-393. Псковичи ходили в рейды до Кольваня (Ревеля) в 1323 г. и до Медвежьей головы (Оденпе) в 1343 г.: ПЛ. Вып. II. С. 22, 25-26.

предложили островичам пойти в совместный рейд на Лотыголу (Латгалию), в который из Пскова поехало «охочих 60 муж» во главе с двумя боярами, но еще до прибытия островичей с их посадником псковская рать столкнулась с ливонским отрядом, который отправился в рейд по Псковской волости: «И по томъ Филиппъ Ледовичъ и Олфереи Селковичъ с поречаны, того же лета, послаше ко островичемъ: хотите ли поехати воевати Лотыгоре. И островичи яшася ехати на Лотыгору, и срокъ съркоше, где съматися псковичемъ съ островичи, на князи селе на Изгояхъ. И выехаше Филипъ и Олоуфереи, и мало дружине с ними, охочихъ 60 моужь, на срокъ ко островичемъ, а инии псковичи не успеше с ними выехати; а Немци и Лотыгори тако же поехали воевати волости псковския. И сретошася псковичи с Немци и с Лотыгою на князи селе на Изгояхъ, месяца июня въ 5 день, на память святыхъ мученикъ 10; бляшет немецкая рати и Лотыгореи 200 и боле, а псковичъ 60 моужь, а островичи не приспеша.»¹²⁰ В августе того же 1341 г. псковичи и изборяне «охочие люди» с Юрием Витовтовичем, поехавшие добывать «языка», встретились с немецкой ратью, которая направлялась к Изборску: «И тогда посла Юрья Витовтовича к Новому городку языка добывати; он же, подъямъ с собою охочихъ людей псковичъ и изборянь, и поехаша на соумежье, и сретошася с великою немецкою ратью на Мекузицкомъ поли, оже они едут на стояние к Изборску: и оубиша пскович и изборянь 60 муж, августа 2, а самъ Юрьи прибеже в Изборскъ в мале дружинне.»¹²¹ Осенью 1368 г. во время похода к Новому городку (нем. Нейгаузен), во главе которого был князь Александр, когда основные силы стояли у крепости, боярин Селила Скертковский собрал небольшую дружину из «охочихъ людей» и поехал с ними «в разгон» к Кирьпиге (Киремпе), где их внезапно атаковала немецкая рать: «По томъ псковичи ехавше съ княземъ Александромъ къ Новому городку воевати Чюдскои земли, и бысть им оу городка, поехаше в розгонъ въ землю, Селило же Скертовскеи с дружиною въ мале

охочихъ людей поеха къ Кирьпиге, внезапно оударися на них рать немецкаа...»¹²². В данном случае в рейдовый отряд («разгон») вошли волонтеры из псковского городского полка, который вместе с двором князя Александра блокировал Нейгаузен. В феврале 1406 г. в ответ на поход литовцев псковский посадник Юрий Козачкович набрал некоторое количество «охочихъ людей» из псковичей и пригорожан – изборян, островичей, ворончан и вельян, после чего эта рать поехала в рейд на Ржеву и Великие Луки: «И не по мнозе времени, того же месяца февраля въ 28, Юрьи посадник Козачкович, поимъ с собою мале дружины, охочихъ людей, пскович, изборян, острович, ворончан, вельян, и шедше повоеваша Ржеву и Лоуки; а на Лукахъ на Великихъ и стыгъ коложьскыи взяша, и възвратишася со множествомъ полона.»¹²³ Зимой 1409 г. «охочие люди» из Пскова выехали на перехват ливонским силам, которые вместе с литовцами разоряли псковские и новгородские волости во время перемирия: «И паки на ту же зиму по Встретении Господа нашего Исуса Христа, на память святыхъ мученицы Агафии, по перемирии, прииде местерь со всею силою немецкою и с Литвою воевать Псковския волости. И сташа станы на Запсковии, и ходиша по Скопскои волости неделю, и новгородския волости много повоеваша, инех изсекоша, а инех во свою землю поведоша. А новгородцы о всемъ томъ нерадиша, псковичемъ в перечину; а псковичи много челомъ биша новгородцемъ, а новгородцы не помогоша псковичемъ нимало, и псковичи выехаша противу Немець, охочимъ человекомъ, и оударися на них...»¹²⁴ Этот эпизод немного выбивается из общего ряда: в отличие от других случаев, когда отряды «охочихъ людей» набирались для набегов и вынужденно вступали в бой с силами противника, в этот раз псковичи собирали добровольцев специально для отражения рейда со стороны ливонцев. Таким образом, в рассмотренных случаях мы видим действия добровольцев из числа воинов городских полков, которые могли отправляться в

¹²⁰ ПЛ. Вып. II. С. 93-94.

¹²¹ Там же. С. 24.

¹²² ПЛ. Вып. II. С. 104.

¹²³ ПЛ. Вып. I. С. 32.

¹²⁴ Там же.

самостоятельные рейды, иногда отделяясь от основных сил во время похода (как в 1368 г.), и при необходимости могли отразить набег неприятеля. При этом в летописях подчеркивается малочисленность этих отрядов «охочих людей», а при прямом столкновении с превосходящими силами противника они зачастую терпели поражения. Тем не менее, стоит отметить, что «охочие люди» всё же были полноценными воинами-профессионалами, служившими в городском полку, и, по мнению О. В. Комарова, именно они могут считаться наиболее активной и отборной частью городского полка Пскова¹²⁵.

Итак, материалы псковского и новгородского летописания однозначно показывают, что городские полки представляли собой конные контингенты. Таким образом, мы можем с уверенностью утверждать, что термин «городской полк» означает исключительно конное войско. В городской полк входили только те, кто мог позволить себе боевого коня и доспех – их мы можем считать «полноценными воинами», и именно они были основной военной силой города. Городские полки Новгорода и Пскова с их волостями, а также полки из пригородов обычно мобилизовывались («*рубилась*») для походов, однако в некоторых случаях наиболее активные воины могли выступать в роли волонтеров («*охочих людей*»), добровольно отправляясь в рейды или отбивая набег противника. И хотя в подавляющем большинстве случаев городские полки воевали в конном строю, во время долгих осад, когда крепость не удавалось взять «*изгоном*», воинам приходилось спешиваться, но это происходило довольно редко. Также, в исключительных случаях, могли возникнуть иные обстоятельства, вынуждавшие «полноценных воинов» городских полков сражаться в пешем строю – о таких эпизодах пойдет речь далее.

Пешцы

М. Г. Рабинович отмечал, что основу новгородского войска составляла пехота, что

¹²⁵ Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 121.

было отличительной чертой организации войска этой земли¹²⁶. Согласно М. Г. Рабиновичу, пешая часть войска набиралась из числа «черных людей», т. е. демократических городских низов. Аналогичного мнения придерживался и А. Н. Кирпичников¹²⁷. Очевидно, что подобные утверждения должны основываться на материале письменных источников, однако исследователям не удалось подтвердить свои выводы летописными сообщениями. Это вполне ожидаемо, ведь в летописании действительно практически не встречаются упоминания об участии пеших контингентов («пешцев») в походах. Таким образом, утверждения М. Г. Рабиновича и А. Н. Кирпичникова следует признать необоснованными, а сам факт существования пехоты как самостоятельного рода войск в рассматриваемый период – поставить под сомнение. В аутентичных письменных источниках можно найти всего 4 сообщения, в текстах которых есть прямое указание на некие контингенты пехоты («пешцев»), и все они происходят из псковского летописания: в двух из них (статьи за 1323 и 1349 гг.) упоминания пехоты связаны с полевыми сражениями, тогда как в двух других (статьи за 1341 и 1407 гг.) пехота участвует в походах на судах. Анализ этих сообщений позволит нам обозначить место «пешцев» в структуре псковского войска и определить их роль на поле боя.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу летописных сообщений, в которых так или иначе упоминаются «пешцы», нужно

¹²⁶ Рабинович М. Г. Новгородское войско (Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ 10 ноября 1943 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. Вып. XVI. 1947. С. 180-182.

¹²⁷ Согласно А. Н. Кирпичникову, военная катастрофа сер. XIII в., связанная с Батыевым нашествием, и общенародная борьба против завоевателей нарушили прежнюю дружинную кастовость войска, открыв в него доступ другим социальным слоям, в том числе смердам и сельским ополченцам. Кирпичников А. Н. Военное дело... С. 12. О смердах в составе псковского войска также писал А. Р. Артемьев: Артемьев А. Р. Некоторые итоги изучения изучения военного дела псковичей в XIII – начале XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1987. С. 23.

оговориться, что означает этот термин и к каким именно воинам он может быть применен. Как было отмечено О. В. Комаровым, термин «пешцы» довольно расплывчатый, и он может иметь два значения: в широком смысле – это любые пешие ратники, в том числе и спешившиеся конники, а в узком смысле – это воины, которые не имели коней и передвигались либо пешком, либо на судах¹²⁸. В данной работе будет использоваться последнее определение. В целом в условиях полного доминирования конницы на поле боя пехота представляла собой малополезный род войск, т. к. она не могла оказать серьезного сопротивления таранному удару конницы рыцарского типа. Ярким примером того, насколько беспомощной оказывалась пехота при столкновении с профессиональным рыцарским войском в полевом бою, является битва при Висбю 1361 г.¹²⁹. Кроме того, в походе с участием конницы пехота неизбежно оказывалась обузой, т. к. она замедляла движение войска на марше. Непосредственно в бою взаимодействие пеших и конных контингентов также осложнялось разницей в скорости и маневренности, из-за чего их совместное участие в сражении было затруднительно. Как следствие, пешие контингенты практически не участвовали в прямых полевых столкновениях с конницей, выполняя исключительно вспомогательные функции, например, обороняя лагерь или обоз. Если на Северо-Востоке пехота была совершенно бесполезна против мобильной татарской конницы, то на Северо-Западе еще можно предположить, что она применялась в столкновениях с ливонскими и литовскими силами, однако эта смелая гипотеза требует убедительных доказательств на материале письменных источников.

Первое упоминание «пешцев» встречается в статье Псковской третьей летописи (далее – ПЗЛ) об осаде Пскова ливонцами в 1323 г.: «*И паки Остафеи князь подьям изборян, ово на конех, ово пешцов, тогда бяшетъ ему в Ъзборске, поидоша в*

помочь псковичемъ: оже Немци стоятъ на Завеличьи, и оставивше пешцевъ за полемъ, а Остафеи князь с коневники поехавъ, оудари на них...»¹³⁰ В данном фрагменте описывается, как князь Евстафий, собрав конных и пеших изборян (городовой полк Изборска), атаковал ливонские силы, осаждавшие Псков. Здесь отдельно подчеркивается, что «пешцы» не принимали непосредственного участия в бою, оставшись в тылу – «*за полем*», тогда как в бой отправилась конница во главе с князем. Тем не менее из летописного текста следует, что в этом конкретном случае «пешцы» были составной частью городского полка Изборска («*изборян*»). Это может свидетельствовать о полной мобилизации всех профессиональных воинов Изборска, которая была вызвана осадой Пскова и необходимостью деблокады города, вследствие чего с князем Евстафием выступили в том числе и те, кто не мог позволить себе боевого коня.

В следующий раз участие «пешцев» в полевом бою описывается в псковском летописании также при исключительных обстоятельствах. Во время внезапного нападения ливонцев на Изборск в 1349 г. псковичи и изборяне были вынуждены сражаться пешими: «*В среду в 15 день, на память святого мученика Савы Стина, внезапно пригнаша Немци ко Изборьскоу ратью о полоудни, а князь Юрьши еще бяше в Изборске, и выеха князь Юрьши противъ их, такоже псковичи и изборяне выидоша пеши противъ Немець. И на первом стоупе оубиша князя Юрья, и другаго Юрья Омачина брата, и иных многих людее изборян...*»¹³¹. Примечательно, что князь Юрий Витовтович, в отличие от псковичей и изборян, «*выеха*» против немцев, а не вышел в пешем строю. Вероятно, лично у Юрия Витовтовича и у его двора кони всё-таки были, и эта часть войска вступила в бой верхом. Что же касается псковичей и изборян, в летописном тексте есть четкое указание на то, что они сражались пешком, на основании чего они противопоставляются князю и его двору. Причина того, почему псковичам и изборянам пришлось вступить в бой пешими,

¹²⁸ Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 107-108.

¹²⁹ Подробнее см.: Thordeman B. Armour from the battle of Wisby, 1361. Stockholm, 1939.

¹³⁰ ПЛ. Вып. II. С. 89.

¹³¹ ПЛ. Вып. I. С. 20.

не совсем ясна. По предположению О. В. Комарова, этого могли требовать боевые обстоятельства или же кони оказались за городом¹³². Второе объяснение представляется более вероятным, если учесть внезапность нападения немцев на Изборск. То есть и в этом случае пешими сражались полноценные воины-профессионалы, не успевшие подготовиться к бою и сесть на коней из-за неожиданной атаки противника на город.

Оставшиеся два упоминания «пешцев» можно объединить, т. к. они связаны с водными переходами. В первом случае это были «псковичи пешци, молодые люди», которые отправились в набег за р. Нарву в июне 1341 г.: «Того же месяца догадавшись псковичи пешци, молодые люди, поедоша воевать Заноровья 50 муж о Калеке о Карпе о Даниловиче, а в то время немци перехавше Норову повоеваше села псковская по берегу; и Карп с дружиною сретошася с немци с норовци на Кушели у села на болоте, и ополчившиися псковичи сташе с немци битися крепко, на память Рожества святого Ивана Крестителя, и убиша немец на припоре 20 муж; и побегоша прочь посрамлени, повергыи полон и весь добыток, и прогнаше их за Норову...»¹³³. На то, что псковские «пешцы» передвигались не пешком, а на судах, указывает глагол «поедоша», использованный летописцем при описании похода¹³⁴. Также следует отметить, что в тексте есть указание на социальный состав этой рати: в ней были «молодые люди», во главе которых стоял человек, названный летописцем по отчеству, что может свидетельствовать о его высоком социальном статусе¹³⁵. Тем не менее оговорка о том, что это были «молодые люди», подчеркивает, что в этом походе участвовали не полноценные воины-профессионалы, из которых состоял городской полк Пскова. Если предположить, что часть псковского городского полка отправилась в рейд на судах, и поэтому к ним применен термин «пешцы», то не ясно, зачем

летописец охарактеризовал участников похода как «молодых людей». С другой стороны, они показали свою боеспособность, победив в пешем строю немецкий рейдовый отряд (вероятно, конный), прогнав его за реку и захватив их добычу и полон. Здесь можно согласиться с О. В. Комаровым, предложившим соотнести поход «псковичей пешцев, молодых людей» 1341 г. с походами новгородских «молодцев» – ушкуйников¹³⁶. Как и в случае с походами ушкуйников, вероятно, это было частное военное предприятие, в котором участвовал не городской полк Пскова, а добровольцы из низших слоев городского населения во главе с воеводой-боярином¹³⁷. «Молодые люди» передвигались на судах, т. к. не могли позволить себе боевого коня и не были профессиональными воинами, а основная цель самого похода заключалась в нанесении экономического ущерба противнику – то есть грабеже пограничных поселений.

Другое летописное сообщение связано с войной Пскова против Ордена и Литвы 1406-1409 гг. В августе 1407 г. псковская лодейная рать отправилась в поход за р. Нарву параллельно с тем, как основные силы псковичей сражались с ливонцами на суше, понеся серьезные потери во время Каменского побоища: «В то же время иная рать псковская ездиха в лодьях и в насадах за Норову; и егда быша на Псковскомь озере въ Осатне, и Немци в шнеках, постигше их, оударихася на них. И псковичи, пометавше 7 насадовъ (вар. ПЛ – «оускуевъ») и прочии посоуди, и побегоша и прибегоша ко Пскову пешь...»¹³⁸. Из приведенного фрагмента следует, что лодейная рать, столкнувшись с немецкой флотилией, была вынуждена покинуть свои суда и вернуться в Псков пешком. По сравнению с лодейной ратью «псковичей пешцев, молодых людей» в 1341 г., она действительно показала свою низкую боеспособность, как было отмечено О. В.

¹³⁶ Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 120.

¹³⁷ Ср. сообщения НЛ о походах новгородских ушкуйников на Волгу в 1366 г. и к немецкому Новому городку в 1377 г. В них также говорится об участниках, что ими были «люди молодии» во главе с воеводами, которые названы по отчеству. См.: НЛ. С. 369, 374.

¹³⁸ ПЛ. Вып. II. С. 34; ПЛ. Вып. I. С. 31.

¹³² Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 111.

¹³³ ПСРЛ. Т. IV. С. 187.

¹³⁴ Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 119.

¹³⁵ Там же. С. 119-120.

Комаровым¹³⁹. И хотя в летописном тексте отсутствует прямое указание на социальный состав этой судовой рати, можно вполне обоснованно предположить, что она также состояла из «молодых людей», не входивших в состав псковского городского полка: когда ливонские силы встали лагерем в Туховитичах, псковичи собрали все войска из самого города и волости, за исключением пригородов («И псковичи совокупивше волость опроче пригородов...»¹⁴⁰), и встретили ливонцев на бродах. После этого состоялось кровопролитное сражение у крепости Камно на Лозоговичском поле (Каменское побоище 21 августа 1407 г.), в котором участвовали основные псковские силы¹⁴¹. Таким образом, вряд ли какая-то часть псковского войска могла в это же время ходить на судах за Нарву, поэтому лодейная рать могла комплектоваться исключительно из добровольцев – «молодых людей». Однако без опытного командира-профессионала (в летописном тексте не указано, кто стоял во главе этого отряда) лодейная рать из «молодых людей» не выдержала столкновения с противником и побежала в Псков, бросив свои суда.

Подводя итог, можно утверждать, что проанализированные летописные свидетельства не позволяют говорить о существовании пехоты как самостоятельного рода войск на Северо-Западе Руси в рассматриваемый период. Вопреки утверждениям М. Г. Рабиновича и А. Н. Кирпичникова, в источниках нет никаких убедительных доказательств того, что основная часть войска состояла из пеших «черных людей». Об участии в боевых действиях пешего сельского ополчения и смердов речи не может быть вовсе. Таким образом, представления о народном ополчении однозначно следует признать плодом фантазии исследователей. Добровольцы из числа «молодых людей»

воевали исключительно в составе судовых ратей во главе с воеводой, передвигаясь по рекам в «насадах», «оускуях» и «лодьях». Целью таких речных рейдов был грабеж незащищенных приграничных поселений на территории противника. В прямых столкновениях такие рати участвовали с переменным успехом и, видимо, старались их избегать. Как и в случае с новгородскими «молодцами»-ушкуйниками, считать «молодых людей» частью псковского городского полка было бы неверно: они не являлись профессиональными военными и отправлялись в походы по собственной инициативе – их привлекала возможность пограбить. Их походы были частным предприятием, в котором городской полк Пскова не принимал участия. Напротив, в двух других случаях (в 1323 и 1349 гг.) мы видим, что в пешем строю оказываются полноценные воины – представители городского полка Изборска и Пскова, однако это связано с исключительными обстоятельствами. То есть в пешем строю в этих случаях сражались профессиональные воины, обладавшие соответствующими навыками, качественным наступательным вооружением и доспехом, но в силу обстоятельств лишённые возможности сесть на боевых коней, которые у них, несомненно, были. Считать этих «пешцев» бездоспешными или хуже вооружёнными по сравнению с конной ратью у нас нет оснований¹⁴². Для XIV – 1-й пол. XV в. противопоставление одной части войска другой ни по принципу «доспешные – бездоспешные», ни по принципу «более и менее качественный доспех» не применимо¹⁴³, т. к. городские полки в это

¹⁴² О. В. Комаров характеризует «пешцев» из сообщения 1323 г. как бездоспешных бойцов на основании более поздних летописных известий 1480 и 1501 гг., перенося на XIV в. реалии кон. XV – нач. XVI в., когда в Пскове стала применяться практика мобилизации «молодых людей» в пешую рать: Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 110.

¹⁴³ Упомянутые принципы противопоставления связаны с дискуссией о значении терминов «кованная рать», «железная рать» и «доспешная рать». Подробнее см.: Подвальный Е. Д., Несин М. А., Шиндлер О. В. К вопросу о вестернизации военного дела Северо-Запада Руси [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск VII. Военная история Новгорода

¹³⁹ Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 118.

¹⁴⁰ ПЛ. Вып. I. С. 31.

¹⁴¹ Подробнее о Каменском побоище см.: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 43; Вебер Д. И., Филошкин А. И. «От ордена осталось только имя...»: Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике. СПб., 2018. С. 91-92.

время состоят исключительно из профессиональных воинов, для которых обязательно наличие качественного доспеха, тогда как непрофессионалы («молодые люди»), которые не могли позволить себе дорогостоящее вооружение и вполне могли быть бездоспешными, в полк в рассматриваемый период не мобилизуются (исключением являются небольшие частные рейды, в которых «молодые люди» участвовали добровольно). В 1323 г. часть изборян выступает с князем Евстафием на деблокаду Пскова в пешем строю, что могло быть вызвано экстренной мобилизацией всех профессиональных военных в городе, которым предстояло отправиться на помощь осажденным псковичам. Что характерно, затем пешая часть войска не принимает участия в бою, оставшись прикрывать тыл. В 1349 г. внезапная атака ливонцев на Изборск застаёт врасплох псковичей и изборян, вынуждая их вступить в бой пешими, пока их кони, вероятно, находились вне города. Итак, летописные сообщения 1323 и 1349 гг. наглядно показывают, что часть городского полка могла сражаться в поле в пешем строю, но эта практика была нетипичной. Как правило, это было чрезвычайной мерой, которая была продиктована неблагоприятными условиями, не позволявшими войску подготовиться к бою как следует. Если обстановка позволяла, то пехота выполняла вспомогательные функции, не участвуя в сражении и прикрывая тыл. Таким образом, можно заключить, что пехота, даже когда она состояла из спешившихся воинов городского полка, не играла самостоятельной роли в псковском войске, а случаи ее применения представляют собой уникальные в своем роде события.

Судовые и лодейные рати

Как было показано выше, рати псковских «молодых людей», передвигавшиеся на судах, как и отряды новгородских «молодцев»-ушкуйников, не

могут считаться частью городских полков, поэтому в данной работе они рассматриваться не будут. Однако в псковском летописании встречаются описания походов (1341, 1349 и 1407 гг.), в ходе которых часть городского полка передвигалась на судах, в некоторых случаях действуя одновременно с конной частью войска. В новгородском летописании подобные случаи не известны.

Первое летописное упоминание в составе ПЗЛ относится к весне 1341 г., когда псковичи во главе с посадником Ильей отправились в рейд по р. Омовже: «*А сами псковичи и тое весны поехали в лодьях воевать, о Ильи о посаднике, в рекоу Омовжую, и повоеваше села немецкаа по обе стороны Омовже до городка до Могилева, месяца маиа въ 2 день; и приехали псковичи во Псковъ добры здоровы.*»¹⁴⁴ В этом случае в пользу того, что в походе на судах участвовали именно воины городского полка Пскова, обычно воевавшие в конном строю, говорит участие посадника в этом предприятии. Кроме того, в летописном тексте отсутствует особое указание на социальные состав этой рати, в отличие от похода «*псковичей пешцев, молодых людей*» в июне того же 1341 г., а значит, этот рейд и социальный состав его участников не представляли из себя ничего необычного для летописца. О. В. Комаров также подчеркивает, что в это время не происходило никаких других боевых действий, поэтому нет оснований полагать, что лодейная рать в мае комплектовалась по остаточному принципу, т. е. из добровольцев – «молодых людей»¹⁴⁵. По всей видимости, воины городского полка были посажены на суда потому, что характер набега предполагал действия вдоль берегов р. Омовжи: в этом случае передвижение по воде в ладьях было удобнее, чем по суше в привычном конном строю.

Судовая рать также могла дополнять конную часть войска, действуя параллельно с ней, как это происходило в двух других случаях. В 1349 г. часть псковского полка с

и Новгородской земли в XIV–XVII вв. Ч. II. 2019. С. 100-101. URL: http://www.milhist.info/2019/12/30/podvalnov_nesin_schi_ndler (дата обращения: 30.12.2019).

¹⁴⁴ ПЛ. Вып. II. С. 93.

¹⁴⁵ Согласно О. В. Комарову, этот поход можно назвать первым примером набега псковской флотилии. Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 119.

посадником Иваном подошла на судах к немецкой крепости (нем. Нейшлосс), только что построенной на берегу р. Нарвы напротив псковских владений, вместе с конной ратью: *«Того же лета Немци поставиша город над Нарвою, противъ исада псковского; псковичи же, подъемше область свою, поехали в лодьях со Иваном посадником, а инии на конех, и приехавше к Норову к немецкому городку, и оступльша и зажгоша приметом; а Немцы и Чюдь, которые были в городки, ови згореша, а инии метахоуся з городка; псковичи же исьсекоша их мечи.»*¹⁴⁶

В данном случае можно точно говорить об участии в походе псковского городского полка: в летописном тексте присутствует характерная формула *«псковичи же, подъемше область свою»*, т. е. для похода псковичи провели мобилизацию сил не только самого Пскова, но и волости. Как было отмечено О. В. Комаровым, из сообщения летописи следует, что «лодейная» часть рати была основной¹⁴⁷. В отличие от похода в мае 1341 г., который по своей сути был речным набегом на немецкие села, в 1349 г. псковичи отправились в полномасштабный боевой поход – его целью был штурм крепости, о чем свидетельствует наличие у псковичей *«примета»* (осадной техники). Передвижение части войска на судах в этом случае объясняется расположением крепости, которую псковская рать собиралась брать штурмом: замок деревянный замок Нейшлосс находился на берегу реки. Более того, в ходе штурма конной рати в любом случае пришлось бы спешиться, поэтому использование судов частью городского полка (которая сразу после выхода на берег была готова к штурму) в таких условиях выглядит вполне оправданной мерой.

Вторым примером совместных действий лодейной и конной рати является поход 1407 г. за Нарву, во главе которого был князь Константин Дмитриевич: *«...того же лета, князь великий Костянтинъ еще оунъ сыи, но умошь совершень, со псковичи подъемъ свою всю область, и идоша за Норову воевати, месяца июня въ 26 день, на*

*память святого отца нашего Давыда Селуньскаго, и перебродишася за Норову на заутрие Петрова дни, и поидоша в землю Немецкую к Порху, и повоеваша много погостовъ и много добытка добыша, иде же не быша псковичи во иное разратие токмо, князь Домонтъ и по том князь Давыд со псковичи воеваша. И поидоша псковичи со княземъ великимъ Костянтиномъ во свою землю, вси здрави, сохранени быша помощию святыхъ троица; а ходиша воевать на конях, а инии в лодиях при посаднике Романе Сидоровичи.»*¹⁴⁸ Как и в мае 1341 г., это был набег, целью которого было нанесение экономического ущерба противнику (псковичи грабили и жгли немецкие села и уходили с полоном), однако в этот раз псковичи не ограничивались своим городским полком, а мобилизовали силы Пскова, волости и даже пригородов (на это указывает текст П2Л – *«совокупивше вся своя волости и пригороды множество ратных»*¹⁴⁹). Во главе похода, помимо псковского посадника Романа Сидоровича, также выступил наместник великого князя Константин Дмитриевич. Согласно сообщению П1Л, часть псковского городского полка участвовала в рейде на конях вместе с князем Константином (и, вероятно, его двором), в то время как другая часть *«псковичей»* передвигалась на судах под руководством посадника Романа Сидоровича. Таким образом, мы видим пример заметно более масштабного набега псковского войска, чем в мае 1341 г. и в 1349 г. Силы городского полка Пскова и его пригородов были разделены на две части, которые действовали параллельно на одном направлении: конную, которая разоряла немецкие поселения вместе с двором князя Константина, и судовую, во главе которой, как в 1341 и 1349 гг., находился псковский посадник.

В итоге анализ этих трех летописных сообщений позволяет сказать следующее: в зависимости от обстоятельств часть городского полка Пскова действительно могла использовать для передвижения речные суда. В двух случаях (в 1341 и 1407

¹⁴⁶ ПЛ. Вып. I. С. 20.

¹⁴⁷ Комаров О.В. Устройство псковского войска... С. 121.

¹⁴⁸ ПЛ. Вып. I. С. 30.

¹⁴⁹ ПЛ. Вып. II. С. 33.

гг.) это происходило, когда псковичи отправлялись в рейды на ливонские территории за р. Нарву. При этом в 1341 г., по всей видимости, в набеге участвовали только псковичи, а в 1407 г. – силы Пскова, волости и пригородов. Рейд 1407 г. также примечателен тем, что псковское войско разделилось на две части, которые затем действовали совместно: одна часть передвигалась на судах, в то время как другая выступила в конном строю вместе с двором князя Константина Дмитриевича. Можно предположить, что это было связано с довольно большим количеством собранных для похода воинов: ведь псковичи фактически мобилизовали все силы своей земли, включая пригороды, которые были к тому же поддержаны княжеским двором Константина Дмитриевича. Другой случай, когда судовая рать дополняла конную, связан с полномасштабным боевым походом 1349 г., в ходе которого псковичами была взята крепость Нейшлосс. В этот раз городской полк Пскова также разделился, и основная его часть с посадником прибыла к месту назначения по воде. В данном случае использование речных судов было обусловлено тем, что крепость находилась недалеко от реки, а во время штурма воинам всё равно пришлось бы спешиваться. Во всех рассмотренных случаях во главе судовой рати неизменно находился посадник. Тем не менее считать судовую рать отдельным родом войск можно лишь условно, т. к. она состояла из тех же воинов городского полка, что и конная рать. Лишь в силу определенных обстоятельств полноценные воины-профессионалы, служившие в городском полку и имевшие коней, выступали в поход на судах. С другой стороны, поскольку в Новгороде подобных случаев не отмечено (там судовые рати состояли только из «молодых людей»), участие в походах профессиональных воинов городского полка на речных судах можно считать уникальной практикой, свойственной исключительно для Псковской земли. Однако масштаб данного явления не стоит переоценивать: такие случаи были редкими, и городской полк Пскова, как правило, воевал преимущественно в конном строю.

Численность войска

Вопрос о численности городских полков Новгорода и Пскова в XIV – I-й пол. XV в. является одним из наиболее спорных. Прежде всего, это связано с отсутствием актовых материалов, сообщающих точную численность «служилых людей» – такие документы известны только с нач. XVI в. Как следствие, исследователи вынуждены опираться исключительно на летописные данные, которые отличаются своей неточностью и условностью. Так, например, новгородские летописцы оценивали численность рати псковичей и изборян во главе с князем Евстафием во время похода к Оденпе (1343 г.) в 5 тысяч человек¹⁵⁰. Как для этого отдельного региона, так и для всей Руси XIV в. в принципе это совершенно фантастическая цифра, и принимать ее на веру ни в коем случае нельзя. Что характерно, цифра в 5000 человек снова фигурирует в новгородском летописании в 1456 г. – именно так летописец оценивает численность «изгонной рати» москвичей и татар под Руссой¹⁵¹. Таким образом, очевидно, что подобные «круглые» числа, сообщаемые летописями, необходимо воспринимать предельно критически, т. к. на самом деле они не отражают реальную численность войск – они скорее указывают на их многочисленность и значимость описанного сражения¹⁵².

Псковское летописание, напротив, куда более информативно в смысле данных о численности войск, чем новгородское: когда

¹⁵⁰ НЛ. С. 356; ПСРЛ. Т. 42. С. 89. На эти летописные сообщения обратил внимание А. Р. Артемьев и, очевидно, отнесся к ним с доверием, хотя и подчеркнул, что это огромная цифра: *Артемьев А. Р. Некоторые итоги изучения... С. 23.*

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 194.

¹⁵² Вероятно, цифра в 5000 человек использовалась летописцами неслучайно: у средневекового человека, знакомого с Евангелием, она должна была вызывать ассоциации с «Чудом пяти хлебов и двух рыб». В текстах всех четырех канонических Евангелий упоминается количество накормленных Христом людей – 5000 человек, не считая женщин и детей (Мф. 14:21, Мк. 6:44, Лк. 9:14, Ин. 6:10). Аналогичное происхождение, по всей видимости, имеет и летописная цифра в 4000 человек: она может быть связана с «Чудом семи хлебов и двух рыбок» (Мф. 15:38, Мк. 8:9). Благодарю за помощь Е. А. Хвалькова.

дело касается псковских сил, сообщаемые в летописных статьях цифры довольно реалистичны, и на их основании можно попытаться реконструировать численность городского полка Пскова и его пригородов¹⁵³. Для этого рассмотрим все летописные сообщения, в которых так или иначе говорится о численности псковских сил. В 1426 г. против Витовта псковичи отправили «засаду» под город Котельно из 400 человек, во главе которых стояло два посадника: «...а в засаду к Котелну городу тогда же послаша посадника Селивестра и посадника Федора Шибалкина, и с ними 400 муж.»¹⁵⁴ Судя по тексту летописи, в этом случае был мобилизован только городской полк Пскова, без волости. Незадолго до битвы под Котельном в Опочку из Пскова отправилось подкрепление – 50 человек «снастной рати»¹⁵⁵. Когда же к «полноценным воинам», постоянно находившимся в Пскове, присоединялись те, кто по тем или иным причинам был за городом – в волости (например, т. н. «сельские люди»), численность псковских сил возрастала. Здесь следует обратиться к летописному фрагменту с описанием Каменского побоища 21 августа 1407 г., в котором участвовали совокупные силы Пскова и волости (без пригородов): «...и оубиша на первом ступе Елентия посадника, Кортача посадника, Панкратия посадника и инех боярь много и сельских людеи много избиша, а всех числом яко до седмисотъ головъ...»¹⁵⁶ Слово «избиша» здесь не стоит воспринимать буквально в значении «убили»: для обозначения убитых в летописании используется глагол «оубиша»¹⁵⁷, тогда как контекстуальное

значение глагола «избиша» ближе к «разбили». На основании этого данный фрагмент можно интерпретировать как свидетельство разгрома псковской рати в 700 человек. Таким образом, общую численность городского полка Пскова в случае мобилизации сил самого города и волости можно оценить в 700 человек, а без волости – в 400-450 человек. Дать точную оценку численности городских полков пригородов Пскова по летописным данным, к сожалению, не представляется возможным: в летописании встречается только одно упоминание численности городского полка Велья – 150 человек «железная рати»¹⁵⁸. Можно лишь предположить, что численность городских полков других пригородов Пскова (Изборска, Острова, Воронача, Врева) была приблизительно равна городскому полку Велья – порядка 100-150 человек. Таким образом, максимальная численность войска, которое могла собрать Псковская земля, когда происходила полная мобилизация городского полка Пскова с волостью и городских полков всех его пригородов (Изборска, Острова, Воронача, Велья и Врева), могла составлять 1200-1450 человек. Однако стоит подчеркнуть, что это верхнее рамочное ограничение: собрать такое внушительное войско было возможно только при напряжении всех сил Псковской земли. Эта цифра сугубо теоретическая и в реальности практически невозможная. Такая полная мобилизация сил Псковской земли практически никогда не происходила: в 1343 г. для похода к Медвежьей голове (Оденпе) псковичи «подъемше» волость и объединились с изборянами, в феврале 1406 г. в рейд на Ржеву и Великие Луки отправились только «охочие люди» из Пскова и пригородов, в октябре 1406 г. псковичи «подъемше» волость для похода в Ливонию, а в августе 1407 г. псковичи «совокупивше» волость без пригородов для отражения

¹⁵³ Когда же в летописных сообщениях говорится о численности сил противника, там также встречаются предельно завышенные цифры. Так, например, в псковском летописании силы литовцев и татар во время битвы под Котельном (1426 г.) оцениваются в 7000 человек, против которых сражалась псковская «засада» в 400 человек: ПЛ. Вып. I. С. 36; ПЛ. Вып. II. С. 41.

¹⁵⁴ ПЛ. Вып. II. С. 41.

¹⁵⁵ См.: ПЛ. Вып. I. С. 36.

¹⁵⁶ Там же. С. 31.

¹⁵⁷ Примечательно, что число потерь становится куда более реалистичным и уже не исчисляется сотнями, когда в тексте используется глагол «оубиша»: в 1341 г. «охочие люди» из псковичей и изборян потеряли 60 человек, в 1343 г. у псковичей и изборян

было убито 17 человек, в 1408 г. вельяне потеряли убитыми 45 человек, потери изборян в 1408 г. – 11 человек, а потери псковичей в 1426 г. под Котельном составили 17 убитых. См.: ПЛ. Вып. I. С. 11, 18, 32, 36; ПЛ. Вып. II. С. 24, 26, 35, 41.

¹⁵⁸ См.: ПЛ. Вып. II. С. 113.

крупных сил ливонцев¹⁵⁹. Полная мобилизация, когда для похода объединялись силы Пскова, волости и городские полки пригородов, в летописании отмечена всего дважды: в 1407 г. и зимой 1441 г.¹⁶⁰ Как правило, псковичи действовали отдельно или ограничивались только мобилизацией волости, поэтому обычно численность городского полка не превышала 400-700 человек.

Что касается городского полка Новгорода, с ним ситуация обстоит несколько сложнее, т. к. в вопросах численности войск новгородские сообщения, по сравнению с псковскими, крайне скупы. Всего можно выделить 3 таких сообщения (статьи за 1342, 1398 и 1399 гг.). В первом случае речь идет не о походе городского полка, а об экспедиции отряда отдельно взятого боярина – Луки Варфоломеева: *«Того же лета Лука Валфромеевъ, не послушавъ Новаграда, митрополища благословения и владычня, скопивъ с собою холоповъ збоевъ, и поеха за Волокъ на Двину, и постави городокъ Орлицъ; и скопивши Емцанъ, и взя землю Заволочкую на Двине, все погосты на щить. В то же время сынъ его Онцифоръ отходилъ на Волгу, Лука же въ двусту выиха воевать, и убиша его заволочане.»*¹⁶¹ Согласно этому летописному фрагменту, при Луке Варфоломееве находился отряд из 200 человек, который состоял из боярских послужильцев («холоповъ збоевъ») и набранных по пути емчан. В случае мобилизации городского полка Новгорода такие богатые бояре, как Лука Варфоломеев, несомненно, могли приводить с собой довольно большое число послужильцев, которые составляли их свиту. Однако этот эпизод мало что может сказать об общей численности городского полка. Следующее сообщение датируется 1398 г. и связано с масштабным походом новгородцев на великокняжеские земли в Заволочье¹⁶². В НЛД подробно описывается социальный состав этого похода: *«И биша чолом посадникъ Тимофеи Юрьевич, посадникъ Юрьи*

*Дмитриевич, Василии Борисович и бояри и дети боярскыи и житии люди и купечкыи дети, и вси их вои...»*¹⁶³ Также в НЛД (и в НК2) приводится численность новгородских сил: *«...бъше всех новгородцовъ 3000 или мене.»*¹⁶⁴ Учитывая указанный в летописи социальный состав, можно предположить, что для этого похода в Новгороде была проведена полная мобилизация городского полка, в который вошли все «полноценные воины» – их общее число, согласно летописным текстам, составило 3000 человек. При этом в летописных текстах ничего не говорится об участии в походе на Заволочье городских полков пригородов Новгорода. Третье летописное сообщение (1399 г.) в составе НК2 и ЛА повествует о погоне за новгородским «беглецом» – двинским боярином Анфалом Никитичем, которого преследовала рать Якова Прокопьева в 700 человек: *«Того же лета Иаковъ Прокопов ганяшеся за Анфаломъ ратью въ 700 человекъ...»*¹⁶⁵ Стоит отметить, что в обоих летописных текстах не говорится, что с Яковом Прокопьевым были «новгородци» – именно это слово маркировало бы участие городского полка. Следовательно, эта погоня являлась, по всей видимости, частым военным предприятием, хотя оно и было выгодно Новгороду¹⁶⁶. В этом случае было бы очень смело предполагать, что с Яковом Прокопьевым в погоню в самом деле отправилось 700 добровольцев. Кроме того, в летописании довольно красноречиво говорится о потерях сторон: согласно летописным рассказам, погоня закончилась битвой, в которой Анфал и 2000 устюжан потеряли более 400 человек убитыми (как и численность устюжан, эта цифра явно завышена), а отряд Якова не понес потерь вовсе¹⁶⁷. Этот факт может быть

¹⁶³ НЛД. С. 391.

¹⁶⁴ НЛД. С. 393. В НК2 – «...а всех вои с ними 3000.»; ПСРЛ. Т. 42. С. 165.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 42. С. 165. Аналогичный рассказ в ЛА: ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 143.

¹⁶⁶ В пользу этого предположения может также свидетельствовать то, что рассказ о погоне за Анфалом не попал в «официальное» новгородское летописание – НЛД.

¹⁶⁷ См.: ПСРЛ. Т. 42. С. 165. Согласно рассказу ЛА, у Якова убили одного человека: ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 143.

¹⁵⁹ См.: ПЛ. Вып. I. С. 20, 28, 29, 31; ПЛ. Вып. II. С. 25, 32, 33.

¹⁶⁰ См.: ПЛ. Вып. II. С. 33; ПЛ. Вып. I. С. 45.

¹⁶¹ НЛД. С. 355-356.

¹⁶² См.: НЛД. С. 391-393; ПСРЛ. Т. 42. С. 165.

проинтерпретировано двояко: либо отряд Якова атаковал противника очень стремительно, полностью разгромил его и благодаря этому обошелся без потерь, либо масштаб столкновения был заметно меньше, чем описано в летописи. Второй вариант представляется более логичным, если к тому же учесть сомнительную численность «добровольной рати» в 700 человек. Ввиду этого данное летописное сообщение с трудом можно считать достоверным, особенно в вопросах численности войска. Таким образом, рассмотренные летописные статьи за 1342 и 1399 гг. вряд ли могут быть использованы для того, чтобы убедительно реконструировать численность городского полка Новгорода. Летописные данные о численности новгородского войска во время похода на Заволочье в 1398 г. также нуждаются в проверке, т. к. на основании только одного сообщения нарративного источника нельзя с уверенностью утверждать, что численность городского полка Новгорода действительно составляла 3000 человек. Чтобы проверить эту «летописную» цифру, нам придется использовать количественный метод.

Подходящий количественный метод, который может быть применен для расчета численности городского полка Новгорода и проверки «летописной» цифры в 3000 человек, был предложен Д. А. Селиверстовым¹⁶⁸. Суть этого метода такова: известные по актовым материалам кон. XV в. данные о новгородском землевладении нужно разделить на норму мобилизации («разруба»), которые приводятся в псковском летописании. Использовать псковские сообщения о «разрубке» мы вынуждены, т. к. о соответствующих нормах воинского набора в Новгороде источники молчат. В качестве отправной точки берется количество земли, т. к. именно с определенного земельного надела всадник выезжал в поход – земля была экономической основой для формирования войска. Норма «разруба» подразумевала мобилизацию одного конного воина с 4 сох земли в случае близкого похода¹⁶⁹, а в случае

дальнего всадник выставлялся с 10 сох¹⁷⁰. При этом данные о новгородском землевладении в актовых материалах кон. XV в. приводятся в обжах, а не в сохах, вследствие чего их необходимо переводить: соотношение обжи к сохе – 3 к 1, согласно сообщению Московского летописного свода кон. XV в (далее – МЛС)¹⁷¹. Следовательно, если боярским семействам принадлежало 12 508,5 обжи земли, в сохах это составляет 4169,5 сохи. На житых людей и купцов в Новгороде, в свою очередь, приходилось 24 149, 5 обжей – 8049,8 сохи. Получившиеся числа необходимо разделить на 4 и на 10, чтобы получить мобилизационный потенциал Новгорода. В результате расчетов мы получаем: в дальний поход новгородские бояре должны были выставить в городской полк порядка 400 конных воинов, а житые люди и купцы – около 800. В случае же относительно близкого (обычно оборонительного) похода, для которого сил могло быть мобилизовано больше, от боярских семей должно было выезжать немногим более 1000 всадников, тогда как от житых людей и купцов – еще 2000 человек¹⁷². Применяв метод Д. А. Селиверстова, мы можем реконструировать численность городского полка Новгорода в пределах 1200-3000 человек «конной рати». В XV в. к этим силам также мог примыкать «владычный полк», который выставлялся новгородским архиепископом и содержался за счет доходов с церковных земель, по оценкам Д. А. Селиверстова насчитывавший от 200 до 500 всадников¹⁷³. Таким образом, полученные с помощью количественного метода данные о возможной численности городского полка Новгорода не противоречат «летописной» цифре в 3000 человек во время похода на Заволочье в 1398 г., и эту цифру можно теперь признать достоверной. Однако, как следует из приведенных расчетов, Новгород был способен выставить 3000 всадников только при «разрубке» с 4 сох, который обычно использовался при

¹⁷⁰ Там же. С. 81, 84.

¹⁷¹ См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 319.

¹⁷² Д. А. Селиверстов приводит те же расчеты, пусть и немного в сжатом виде. См.: Селиверстов Д. А. Битва под Русой... С. 266-267.

¹⁷³ Там же. С. 268.

¹⁶⁸ Селиверстов Д. А. Битва под Русой... С. 266-267.

¹⁶⁹ См.: ПЛ. Вып. I. С. 76.

оборонительных действиях – это служит признаком максимальной мобилизации. Если учесть указанный в летописи социальный состав участников похода 1398 г., то становится очевидно, что для похода на великокняжеские земли в Новгороде была проведена максимальная мобилизация всех слоев населения, выходцы из которых являлись частью городского полка и могли выступить в дальний поход, в результате чего выехавшая из города рать была столь многочисленна. Вопреки утверждениям М. А. Несина, мы можем вполне обоснованно полагать, что в походе участвовало фактически всё новгородское войско, а не его часть¹⁷⁴. Из всех социальных слоев, обязанных службой в городском полку, в летописном сообщении не указаны лишь купцы, однако можно предположить, что вместо себя в поход они выставили своих послужильцев – «детей купечских». «Черные люди» в летописном тексте также не упомянуты, что может быть связано с их невысоким социальным положением – возможно, они также участвовали в походе как послужильцы более влиятельных и состоятельных людей (например, бояр или житых), не имея при этом своего представительства и не допускаясь до обсуждения планов похода, т. к. «черные люди» не являлись профессиональными воинами. В результате мы имеем основанную на летописных данных и проверенную с помощью количественного метода численность городского полка Новгорода в случае максимальной мобилизации – около 3000 всадников. Однако эта цифра может считаться скорее верхним рамочным ограничением, т. к. сбор войска такой численности требовал крайне больших усилий и напряжения сил Новгородской земли, и походы с участием настолько огромного по меркам XIV – 1-й пол. XV в. войска были исключительной редкостью. Куда реалистичнее выглядит цифра в 1200 человек, хотя и в этом случае была необходима полномасштабная мобилизация: вероятнее всего, узко локальные боевые задачи решались меньшими силами. К тому

же, в отличие от Пскова, в Новгороде, судя по материалам летописания, мобилизация волости не была распространенной практикой: в летописных текстах «селники луские» и «селники ореховские» встречаются всего дважды¹⁷⁵. При этом есть еще три летописных сообщения, в которых описываются походы, для которых новгородцы привлекали силы волости и пригородов: в 1316 г. против рати Михаила Тверского к новгородцам присоединились «...и плесковици, и ладожане, рушане, Корила, Ижера, Вожане»¹⁷⁶, в 1348 г. в Ладоге против шведов собрались «...и вси новгородци и плесковиць немного и новоторжьци и вся волость Новгородская...»¹⁷⁷, а в походе на Ржеву зимой 1435/36 гг. вместе с новгородцами участвовали рушане и порховичи¹⁷⁸. К сожалению, в летописании полностью отсутствуют опорные данные, на основании которых можно было бы реконструировать численность контингентов из волости и городских полков пригородов Новгорода и, соответственно, дать оценить численность совокупных сил всей Новгородской земли. Материалы летописания позволяют нам судить только о численности городского полка самого Новгорода.

Приведенные выше оценки численности городского полка Новгорода, полученные путем проверки летописных данных с помощью количественного метода, значительно отличаются от тех цифр, которые ранее приводились в историографии: исследователи, как правило, оценивают численность новгородского ополчения в 5000–10 000 человек¹⁷⁹. Совсем

¹⁷⁵ См.: НЛ. С. 424; ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 210.

¹⁷⁶ НЛ. С. 337.

¹⁷⁷ Там же. С. 360.

¹⁷⁸ См.: НЛ. С. 417-418.

¹⁷⁹ Так, например, эту оценку можно встретить у В. Ф. Андреева. Исследователь опирается на демографию Новгорода, численность населения которого составляла 20-30 тыс. человек. По мнению В. Ф. Андреева, новгородское ополчение численностью 5-10 тыс. человек могло быть быстро мобилизовано из самого Новгорода и его округи, и в походах обычно участвовало именно оно, тогда как со всей Новгородской земли могло быть выставлено войско общей численностью в 30-40 тыс. человек. Что касается социального состава войска, В. Ф. Андреев также считал, что в него входили ремесленники и

¹⁷⁴ См.: Несин М. А. Новгородские житы люди... С. 262-264.

фантастическая цифра была названа А. В. Быковым – 40 000 человек¹⁸⁰. В качестве отправной точки для своих построений исследователь использует крайне не надежное известие путешественника-фламандца Жильбера де Ланнуа о том, что «все синьоры Новгородского Великого владеют 40 тысячами конницы и бесчисленной пехотой»¹⁸¹. Затем А. В. Быков откровенно «подгоняет» свои расчеты под эту цифру, сознательно делая все возможные допущения: принимая цифру в 5000–10 000 человек ополчения Новгорода, он «мобилизует» в войско крестьян, руководствуясь летописным сообщением о псковском «разрубе» с 10 сох и о «покруте» крестьян в Новгороде во время строительства укреплений в 1430 г. – «а покручаль 4-и 5-го»¹⁸². Как было отмечено выше, псковская норма «разруба» подразумевала участие в походе всадника с земельного надела, а не мобилизацию сельских жителей-крестьян, которые должны были выставлять конное ополчение из волости, как считает А. В.

крестьяне. См.: Андреев В. Ф. Северный страж Руси: Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1989. С. 127-128. Цифру в 5-10 тыс. человек при оценке численности новгородского ополчения (без волости и пригородов) также приводит М. А. Несин: Несин М. А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич... С. 298-299. Он, в свою очередь, принимает на веру известие МЛС о битве под Руссой (1456 г.), в котором указана численность рати служилого князя Василия Гребенки-Шуйского в 5000 человек, хотя эта цифра в летописании явно используется с целью показать масштаб события (например, в сообщениях НЛ и НК1 о походе псковичей к Оденпе в 1343 г. или в ЛА о численности москвичей и татар под Руссой в 1456 г.), поэтому воспринимать буквально ее не следует. См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 274; НЛ. С. 356; ПСРЛ. Т. 42. С. 89; ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 194.

¹⁸⁰ Быков А. В. Структура и численность... С. 62-67.

¹⁸¹ Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века / Сост. Г. М. Коваленко. М., 2005. С. 27. На ненадежность этого сообщения указывает М. А. Несин: Несин М. А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич... С. 298. Ю. В. Луцай также считает, что эта цифра преувеличена, хотя ранее в той же статье исследователь признает достоверность явно гиперболизированных рассказов Жильбера де Ланнуа о русской зиме и пытается обосновать их надежность, используя столь же преувеличенные сведения других путешественников: Луцай Ю. В. Сведения о Новгороде в западноевропейских средневековых источниках // Novogardia. 2020. № 1. С. 179-180, 183.

¹⁸² НЛ. С. 416

Быков¹⁸³. К тому же, совершенно не ясно, почему А. В. Быков использует норму «покрута» крестьян для строительства, перенося эти данные на мобилизацию войска: крестьяне действительно могли быть полезны как рабочая сила, но не как военные, т. к. они не являлись профессиональными воинами, вследствие чего не имели никакого боевого опыта и не могли взаимодействовать на поле боя с полноценными воинами – посаженные на коней крестьяне попросту не выдержали бы строй. Тем более крестьяне не имели средств на покупку дорогостоящего вооружения и боевого коня: первое А. В. Быков пытается оправдать тем, что их могла вооружать за свой счет община или бояре и другие землевладельцы, а насчет второго, как следует из рассуждений А. В. Быкова, исследователь всерьез считает, что крестьяне выезжали в поход на пахотных конях, используя их как боевых (sic!)¹⁸⁴. Стоит ли говорить, что конь или лошадь, пригодные для полевых работ, довольно сильно отличаются от боевого коня и на войне будут совершенно бесполезны, т. к. эти животные не имеют необходимой подготовки для боя. В итоге, по мнению А. В. Быкова, если в Новгородской земле крестьяне мобилизовались в соответствии с нормой «покрута», то их число как раз будет совпадать с сообщением Жильбера де Ланнуа – получается 40 000 сельских ополченцев на конях, которые представляли собой многочисленную, но далеко не самую боеспособную часть войска и могли использоваться скорее для устрашения и демонстрации силы¹⁸⁵. Подобные демонстрации военной силы Новгорода действительно происходили, например, в 1386 и 1434 гг., когда новгородская рать выходила к ручью Желотугу, который пересекал речную пойму недалеко от княжеского подворья на Городище¹⁸⁶. Летописное сообщение 1386 г. в составе НК2 содержит некоторые подробности: когда в Новгород пришла весть о том, что великокняжеская рать стоит на Желотуге, новгородские силы вышли туда – «коневои

¹⁸³ Быков А. В. Структура и численность... С. 63.

¹⁸⁴ Там же. С. 63-65.

¹⁸⁵ Там же. С. 65.

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. 42. С. 150; НЛ. С. 417.

рати и пешей вельми много, и охвочи битися», но войска великого князя там не оказалось¹⁸⁷. В данном случае мы можем предположить, что в Новгороде была проведена тотальная мобилизация сил, поэтому вместе с конницей в поле вышла даже пехота. Однако участие последней было возможно только благодаря близкому расстоянию от Новгорода до Городища – около 2 км, которое пехота могла довольно быстро преодолеть. Также стоит отметить, что эта рать так и не приняла участия в сражении. Таким образом, утверждения А. В. Быкова о 40 000 человек только «сельского ополчения» основаны на крайне сомнительных данных и целиком состоят из многочисленных допущений и предположений, призванных «оправдать» заведомо известный результат. К сожалению, из-за этого ничего общего с реальностью реконструкция А. В. Быкова не имеет. В XIV–XV вв. даже такая богатая земля, как Новгородская, не могла позволить себе вооружить и прокормить настолько огромное войско, тем более если оно было конным. Куда более реалистично и обоснованно выглядит полученная нами цифра в 3000 человек, которая основана на летописных данных и проверена с помощью количественного метода, предложенного Д. А. Селиверстовым. Это максимально возможная численность городского полка Новгорода, тогда как на практике войско, как правило, собиралось не полностью, а значит, реальная его численность обычно была меньше – 1200 всадников и менее, если мобилизация проводилась не полностью. Для реконструкции численности сил Новгородской волости и городских полков пригородов Новгорода у нас не хватает данных, и пока этот вопрос остается нерешенным.

Заключение

Городовые полки являлись главной военной силой Новгорода и Пскова в XIV–XV вв. В отличие от княжеских дворов, которые находились в городах временно, городские полки несли службу постоянно. Когда городские полки по тем или иным

причинам отсутствовали, города становились беззащитны перед внезапным нападением неприятеля: в 1313 г. так шведами была сожжена Ладога¹⁸⁸, а в 1367 г. ливонцы сожгли посад у Пскова¹⁸⁹. Социальный состав городского полка Новгорода в рассматриваемый период может быть реконструирован следующим образом: в него входили бояре со своими контингентами, состоявшими из членов боярских семей, свободных профессиональных воинов («детей боярских» и «воев»), клиентов бояр («молодых людей») и вооруженных слуг («холопов збоев»), житьи люди, купцы и «купеческие дети», а также сельские землевладельцы из волости – «сельники». К «детям боярским», «воеям», «молодым людям» и «холопам збоеям» может быть применен термин «послужильцы». Боярские послужильцы вооружались за счет самих бояр. Свиты посадников, которые были многочисленнее боярских, включали в себя «детских» и новгородских дворян. О социальном составе городского полка Пскова нам известно меньше: в XIV – 1-й пол. XV в. в его составе отмечены посадники, бояре и волостные землевладельцы – «сельские люди». Об участии в военных действиях житьих людей Пскова и псковских купцов в этот период источники не сообщают. Основной ударной силой городских полков Новгорода и Пскова, несомненно, были боярские контингенты. Боярство являлось военной элитой, и именно бояре представляли собой наиболее боеспособную часть войска, т. к. они имели военные навыки и могли позволить себе лучшее вооружение. Бояре могли выполнять командные функции, находясь во главе отдельных отрядов. Общее руководство городскими полками Новгорода и Пскова осуществлялось посадниками. Анализ летописных известий показывает, что городские полки Новгорода и Пскова выступали в походы и участвовали в сражениях преимущественно в конном строю. В случае необходимости воины городских полков могли сражаться пешими или передвигаться на речных судах, однако такие случаи были исключительной

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 42. С. 150.

¹⁸⁸ См.: НЛ. С. 94.

¹⁸⁹ См.: ПЛ. Вып. I. С. 23.

редкостью. Такая практика, как передвижение части городского полка на речных судах параллельно с конной ратью, характерна для Псковской земли. Пехота как самостоятельный род войск на Северо-Западе Руси в рассматриваемый период отсутствовала. Полноценным воином считался только тот, кто обладал боевым конем и доспехом. По этой причине основу городских полков составляли обеспеченные слои населения. Малообеспеченные горожане («черные» и «молодые люди») не могли позволить себе дорогостоящего боевого коня и доспех, поэтому в городской полк они не входили, но зато они принимали активное участие в частных военных предприятиях – речных набегах (рейдах новгородских ушкуйников и псковских судовых ратей), целью которых был грабеж. Эти рейды не могут считаться походами городских полков, т. к. воины городских полков в них не участвовали, а сами походы зачастую происходили без санкции веча. Лишь небольшая часть «черных» и «молодых людей» выставлялась в городской полк Новгорода боярами в качестве своих послужильцев и обеспечивалась снаряжением и конями за счет бояр. Мобилизация сил Новгорода и Пскова проходила на трех уровнях: город – волость – пригород. Чаще всего городские полки Новгорода и Пскова действовали самостоятельно или усиливались только контингентами из волости («сельников» и «сельских людей»). Мобилизация городских полков из пригородов происходила довольно редко – для решения боевых задач обычно было достаточно совокупных сил города и волости. Норма мобилизации («разруб») применялась к землевладельческим категориям населения: землевладельцы были обязаны выставлять в городской полк определенное количество всадников, которое зависело от площади земельного владения. Численность городского полка Пскова была заметно меньше, чем городского полка Новгорода, т. к. в Псковской земле до XVI в. так и не сложилось крупное землевладение. Городской полк Пскова вместе с контингентами из волости составлял 400-700 человек. Максимальная численность войска, которое могла собрать Псковская земля в

случае полной мобилизации, когда происходила мобилизация городского полка Пскова с волостью и городских полков всех его пригородов, реконструируется нами в пределах 1200-1450 человек. Что касается Новгорода, численность его городского полка могла достигать 3000 человек – эта летописная цифра была проверена нами с помощью количественного метода, предложенного Д. А. Селиверстовым. Однако и эта цифра является верхним рамочным ограничением: реальная численность городского полка Новгорода составляет 1200 человек и менее, если мобилизация проводилась не полностью. Дать оценку численности сил Новгородской волости и городских полков пригородов Новгорода, к сожалению, не представляется возможным, т. к. в письменных источниках отсутствуют опорные данные. Тем не менее приведенные выше цифры на порядок ниже, чем принятые в историографии оценки численности новгородского войска в 40 000 человек.

Таким образом, городские полки Новгорода и Пскова представляли собой городскую воинскую корпорацию, которая находилась на службе у города как у коллективного феодала. В их состав входили не только свободные горожане – в летописании встречаются упоминания зависимых людей («холопов збоев») и землевладельцев, проживавших в волости («сельников» и «сельских людей»). В связи с этим тезис П. В. Лукина о тождественности городского полка и веча, с которым согласен и А. В. Быков, следует признать неверным, т. к. эти категории населения не входили в «политический народ» Новгорода и Пскова и не могли участвовать в вече. Городские полки Новгорода и Пскова были организованы по профессиональному признаку: к этим корпорациям принадлежали профессиональные воины-землевладельцы (посадники, бояре, житьи люди, купцы, «сельники» и «сельские люди»), обязанные службой городу. Именно они выставляли в городские полки всадников, количество которых зависело от площади их земельного владения. Этими всадниками могли быть члены семей землевладельцев и их послужильцы, которые также являлись профессиональными воинами («дети

боярские» и «вои»). Единственным исключением из этого правила можно считать вооруженных слуг бояр («холопов збоев») и клиентов бояр («черных» и «молодых людей»), однако их роль в войске была крайне невелика. Возвращаясь к вынесенным в качестве эпиграфа к данной работе словам воеводы Волчьего Хвоста, можно уверенно сказать, что к

новгородскому и псковскому войску в рассматриваемый период такая характеристика уже не применима: с XI в. социальная структура войска сильно изменилась, и в XIV – 1-й пол. XV в. основу городских полков составляли профессиональные воины.

Библиография

Источники:

Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века / Сост. Г. М. Коваленко. М., 2005.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.- Л., 1949.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.- Л., 1950.

Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Под ред. С. В. Юшкова, сост. А. А. Зимин. М., 1953.

ПСРЛ. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848.

ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. П., 1915.

ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. Л., 1925.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.

ПСРЛ. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889.

ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л., 1949.

ПСРЛ. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.

Псковские летописи. Вып. I. М.- Л., 1941.

Псковские летописи. Вып. II. М., 1955.

Литература:

Алексеев Ю. Г. Черные люди Великого Новгорода и Пскова // Исторические записки. Т. 103. 1979.

Андреев В. Ф. Северный страж Руси: Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1989.

Артемов А. Р. Некоторые итоги изучения военного дела псковичей в XIII – начале XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1987.

Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 2. М., 1864.

Блок М. Феодальное общество. Пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М., 2003.

Быков А. В. К вопросу о полномочиях новгородских тысяцких. [Рец. на:] Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. // Novogardia. № 2. 2019.

Быков А. В. Структура и численность новгородского войска в XIII–XV веках // Novogardia. № 1. 2020.

Вебер Д. И., Филюшкин А. И. «От ордена осталось только имя...»: Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике. СПб., 2018.

Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. СПб., 2019.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975.

Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.

Комаров О. В. Устройство псковского войска XIV – начала XVI вв. по летописным данным // Novogardia. № 2. 2019.

Лукин П. В. Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г. // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. Т. 4. № 1. 2015.

Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014.

Луцкай Ю. В. Сведения о Новгороде в западноевропейских средневековых источниках // *Novogardia*. № 1. 2020.

Мартьяшин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992.

Несин М. А. Дети боярские в Новгороде XIV–XV вв. по материалам новгородского летописания // *Valla*. № 2 (4-5). 2016.

Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017.

Несин М. А. Купечество вечевого Новгорода XII–XV вв. по данным письменных источников // *Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования*. Вып. XI. Великий Новгород, 2012.

Несин М. А. Новгородские житьи люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV–XV вв. до второй половины 1471 г. [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. Т. VIII. 2016. URL: http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8 (дата обращения: 08.06.2016).

Несин М. А. Новгородские тысяцкие в XIV веке // *Вестник Удмуртского государственного университета*. Серия «История и филология». Вып. 3. 2014.

Несин М. А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич – один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 гг.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. Т. VII. 2015. URL: http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6 (дата обращения: 21.12.2015).

Несин М. А. Первая монография о новгородском вече. [Рец. на:] *Лукин П. В.* Новгородское вече. М., 2014. // *Valla*. № 2 (3). 2016.

Несин М. А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. Т. V. 2014. URL: http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1 (дата обращения: 18.06.2014).

Подвальнов Е. Д., Несин М. А., Шиндлер О. В. К вопросу о вестернизации военного дела Северо-Запада Руси [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. Специальный выпуск VII. Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV–XVII вв. Ч. II. 2019. URL: http://www.milhist.info/2019/12/30/podvalnov_nesin_schindler (дата обращения: 30.12.2019).

Рабинович М. Г. Новгородское войско (Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ 10 ноября 1943 г.) // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра*. Вып. XVI. 1947.

Селиверстов Д. А. Военное дело Московского великого княжества: Очерки истории (конец XIV – середина XV века). М., 2020.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.

Thordeman B. Armour from the battle of Wisby, 1361. Stockholm, 1939.

Сведения об авторе

Клейменов Виталий Игоревич, студент 2-го курса ОП История, Департамент истории НИУ ВШЭ СПб. Область научных интересов: военная история и археология XII–XV вв., историческое оружиеведение.

Email: vikleyenov@edu.hse.ru

V. I. Kleyenov

THE ORGANISATION OF TOWN MILITIA IN NOVGOROD AND PSKOV IN THE XIV – 1st HALF OF THE XV CENTURY

Annotation: This article deals with the issues of organisation of town militia in Novgorod and Pskov in XIV – 1st half of the XV century. The research is based on the analysis of authentic written sources, in particular, on the texts of chronicles which originate from the lands of Novgorod and Pskov. In this study, the idea that the social composition of veche and town militia was identical, proposed by P. V. Lukin, is reconsidered. It is argued that town militias should be treated as military corporations, organised on a professional basis. Firstly, the social structure of town militias is studied in detail. Every social group, whose members served in the militia, is considered separately. Then, the texts of chronicles on campaigns which town militias participated in, are analysed. Applying methods of contextual analysis, the study shows that town militias were mounted troops, which predominantly fought on horseback, although in extraordinary circumstances they could fight on foot or move on river vessels. Special attention is also paid to the size of town militias. Despite the lack of evidence in written sources, the mobilisation capacity of Novgorod and Pskov with its countryside and suburbs is calculated, and the real number of troops is assessed. Finally, this research provides the complete and coherent model of town militia's structure, which differs considerably from the one suggested by A. V. Bykov. The conclusions made in the article might be useful for future research on the military history of North-Western Russia during the period in question.

Keywords: military history, warfare, Novgorod, Pskov, town militia, social structure, veche, cavalry, infantry, river fleet, the number of troops, XIV century, XV century.

References

Sources:

Velikii Novgorod v inostrannykh sochineniyakh XV – nach. XX veka. Moscow, 2005. (In Russian).

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova. Moscow - Leningrad, 1949. (In Russian).

Novgorodskaya pervaya letopis` starshego i mladshogo izvodov. Moscow-Leningrad, 1950. (In Russian).

Pamyatniki russkogo prava. Iss. 2: Pamyatniki prava feodal`no-razdroblennoi Rusi XII–XV vv. Moscow, 1953. (In Russian).

PSRL Vol. IV. Novgorodskiye i pskovskiye letopisi. St. Petersburg, 1848. (In Russian).

PSRL. Vol. IV. P. 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis`. Iss. 1. Petrograd, 1915. (In Russian).

PSRL. Vol. IV. P. 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis`. Iss. 2. Leningrad, 1925. (In Russian).

PSRL. Vol. 6. Vyp. 1. Sofiiskaya pervaya letopis` starshego izvoda. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. XVI. Letopisnyi sbornik, imenuemyi letopis`yu Avraamki. St. Petersburg, 1889. (In Russian).

PSRL. Vol. 25. Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV v. Moscow; Leningrad, 1949. (In Russian).

PSRL. Vol. 42. Novgorodskaya Karamzinskaya letopis`. St. Petersburg, 2002. (In Russian).

Pskovskie letopisi. Iss. I. Moscow- Leningrad, 1941. (In Russian).

Pskovskie letopisi. Iss. II. Moscow, 1955. (In Russian).

Researches:

Alekseev Yu. G. Chernye lyudi Velikogo Novgoroda i Pskova [“Black people” of Velikiy Novgorod and Pskov]. Istoricheskie zapiski. Vol. 103. 1979. (In Russian).

- Andreev V. F.* Severnyi strazh Rusi: Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda. [The northern guardian of Rus': essays on the history of medieval Novgorod]. Leningrad, 1989. (In Russian).
- Artem`ev A. R.* Nekotorye itogi izucheniya voennogo dela pskovichei v XIII – nachale XVI v. [Some results of the research of warfare of the Pskov people in the XIII – early XVI century]. Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Pskov, 1987. (In Russian).
- Belyaev I. D.* Rasskazy iz russkoi istorii. [Stories from Russian history]. Vol. 2. Moscow, 1864. (In Russian).
- Blok M.* Feodal`noe obshchestvo. [Feudal Society]. Moscow, 2003. (In Russian).
- Bykov A. V.* K voprosu o polnomochiyakh novgorodskikh tysyatskikh. [To the question of the powers of Novgorodian "thousand-leaders"]. Reviewed work: *Nesin M. A.* Institut novgorodskikh tysyatskikh v XII–XV vv. [The institution of Novgorodian "thousand-leaders" in XII–XV centuries]. Voronezh, 2017. Novogardia. No. 2. 2019. (In Russian).
- Bykov A. V.* Struktura i chislennost` novgorodskogo voiska v XIII–XV vekakh [Structure and the size of Novgorodian military force during the XIII–XV centuries]. Novogardia. No. 1. 2020. (In Russian).
- Veber D. I., Filyushkin A. I.* "Ot ordena ostalos` tol'ko imya...": Sud`ba i smert` nemetskikh rytsarei v Pribaltike ["The only thing left from the Order was its name...": the fate and the death of German knights in the Baltics]. St. Petersburg, 2018. (In Russian).
- Vovin A. A.* Gorodskaya kommuna srednevekovogo Pskova: XIV – nachalo XVI v. [The urban commune of medieval Pskov in the XIV – early XVI century]. St. Petersburg, 2019. (In Russian).
- Zaliznyak A. A.* Drevnenovgorodskii dialect. [Old Novgorodian dialect]. Moscow, 2004. (In Russian).
- Kazakova N. A.* Russko-livonskie i russko-ganzeiskie otnosheniya: Konets XIV – nachalo XVI v. [Russian-Livonian and Russian-Hanseatic relations in late XIV– early XVI centuries]. Leningrad, 1975. (In Russian).
- Kirpichnikov A. N.* Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv. [The warfare of Rus' in XIII–XV centuries]. Leningrad, 1976. (In Russian).
- Komarov O. V.* Ustroistvo pskovskogo voiska XIV – nachala XVI vv. po letopisnym dannym [The device of the Pskov army of the XIV – early XVI centuries according to the chronicles]. Novogardia. No. 2. 2019. (In Russian).
- Lukin P. V.* Kategorii naseleniya Novgoroda v opasnoi gramote 1472 g. [Strata of the Novgorod population in the *opasnaya gramota* of 1472]. Slovĕne. International Journal of Slavic Studies. Vol. 4. No. 1. 2015. (In Russian).
- Lukin P. V.* Novgorodskoe veche. [The Novgorodian veche]. Moscow, 2014. (In Russian).
- Lushchai Yu. V.* Svedeniya o Novgorode v zapadnoevropeiskikh srednevekovykh istochnikakh [Information about Novgorod in the Western European medieval sources]. Novogardia. No. 1. 2020. (In Russian).
- Martyshin O. V.* Vol`nyi Novgorod. Obshchestvenno-politicheskii stroi i pravo feodal`noi respubliky [Free Novgorod. The socio-political system and the law of feudal republic]. Moscow, 1992. (In Russian).
- Nesin M. A.* Deti boyarskie v Novgorode XIV–XV vv. po materialam novgorodskogo letopisaniya ["Boyar children" in Novgorod in XIV–XV centuries according to Novgorodian chronicles]. Valla. No. 2 (4-5). 2016. (In Russian).
- Nesin M. A.* Institut novgorodskikh tysyatskikh v XII–XV vv. [The institution of Novgorodian "thousand-leaders" in XII–XV centuries]. Voronezh, 2017. (In Russian).
- Nesin M. A.* Kupechestvo vechevogo Novgoroda XII–XV vv. po dannym pis`mennykh istochnikov [The merchants of Novgorod in XII–XV centuries according to the evidence of written sources]. Dokumental`noe nasledie Novgoroda i Novgorodskoi zemli. Problemy sokhraneniya i nauchnogo ispol`zovaniya. Iss. XI. Velikiy Novgorod, 2012. (In Russian).
- Nesin M. A.* Novgorodskie zhit`i lyudi v XV v. i ikh uchastie v voinakh i vneshnei politike Velikogo Novgoroda v XV v. Chast` 1. Ot rubezha XIV–XV vv. do vtoroi poloviny 1471 g. [Novgorodian *zhit`i lyudi* in XV century and their participation in the wars and the foreign policy of Velikiy Novgorod in XV century. Part 1. From the turn of XIV–XV centuries to the 2nd half of 1471].

Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Vol. VIII. 2016. URL: http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8 (accessed: 08.06.2016). (In Russian).

Nesin M. A. Novgorodskie tysyatskie v XIV veke [Novgorod “thousand-leaders” in XIV century]. Vestnik Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya i filologiya”. Iss. 3. 2014.. (In Russian).

Nesin M. A. Novgorodskii tysyatskii Fedor Eliseevich – odin iz voevod zimnego pokhoda na Rzhevu 1435/1436 gg.: k istorii vneshnei politiki Novgoroda v period ego nakhozheniya u dolzhnosti i organizatsii novgorodskogo voiska v XV v. [Novgorodian thousand-leader Fedor Eliseevich – one of the commanders of winter raid to Rzheva in 1435/1436: on the history of Novgorodian foreign policy during his tenure and the organisation of Novgorodian military force in XV century]. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Vol. VII. 2015. URL: http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6 (accessed: 21.12.2015). (In Russian).

Nesin M. A. Pervaya monografiya o novgorodskom veche [The first monograph on the Novgorodian veche]. Reviewed work: *Lukin P. V.* Novgorodskoe veche [The Novgorodian veche]. Moscow, 2014. Valla. No. 2 (3). 2016. (In Russian).

Nesin M. A. Srazhenie pod Rusoi 3 fevralya 1456 g.: mesto boya i taktika moskovskikh voisk [The battle of Rusa on 3 February 1456: the battlefield and the tactics of Muscovite forces]. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Vol. V. 2014. URL: http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1 (accessed: 18.06.2014). (In Russian).

Podval'nov Ye. D., Nesin M. A., Shindler O. V. K voprosu o vesternizatsii voennogo dela Severo-Zapada Rusi [To the question of the westernisation of warfare in North-Western Rus']. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Special issue VII. Military history of Novgorod and the Novgorod land in XIV–XVII centuries. Part II. 2019. URL: http://www.milhist.info/2019/12/30/podvalnov_nesin_schindler (accessed: 30.12.2019). (In Russian).

Rabinovich M. G. Novgorodskoe voisko (Tezisy kandidatskoi dissertatsii, zashchishchennoi na zasedanii Uchenogo soveta istoricheskogo fakul'teta MGU 10 noyabrya 1943 g.) [The Novgorodian military force]. Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury im. N. Ya. Marra. Iss. XVI. 1947. (In Russian).

Seliverstov D. A. Voennoe delo Moskovskogo velikogo knyazhestva: Ocherki istorii (konets XIV – seredina XV veka) [The warfare of the Grand Principality of Moscow: Essays on history (the end of the XIV – the middle of the XV century)]. Moscow, 2020. (In Russian).

Yanin V. L. Novgorodskie posadniki [The Novgorodian posadniks]. Moscow, 2003. (In Russian).

Thordeman B. Armour from the battle of Wisby, 1361. Stockholm, 1939. (In English).

About the author

Kleyменов Vitaly I., undergraduate student, Department of History, State University Higher School of Economics, St. Petersburg (Russia).

Email: vikleyменов@edu.hse.ru